

ТЕМНЫЕ ВЕДЬМЫ НЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ

Дарья Гусина

Дарья Гусина

Темные ведьмы не влюбляются

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70290121

SelfPub; 2024

Аннотация

Еще в лицейские времена я загадала, что больше никогда не влюблюсь. Не просто загадала, а вписала свое желание в магическую книгу! Любовь, кроме боли и слез, ничего хорошего не приносит. Пусть лучше влюбляются в меня, безответно! Теперь я сама учу студентов и обхожусь без всяких романтических глупостей! У меня и своих дел хватает! Замок Дроудон полон темных тайн и жутких секретов, которые мне не терпится разгадать. Поэтому пересматривать свои принципы я не буду! Даже сейчас! Даже после появления в нашем колледже таинственного нового декана! **ОСОБЕННО** после его появления, потому что он **ВООБЩЕ** не помнит, как еще в лицее разбил мне сердце!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	46
Глава 5	63
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дарья Гусина

Темные ведьмы не влюбляются

Глава 1

Бенджамин Лоури был мертв, окончательно и бесповоротно. Об этом свидетельствовала крайне неудобная поза с вывернутой под неестественным углом шеей, в которой господин декан «прилег» внизу лестницы, и синеватое лицо. И хотя бранный прах декана был еще довольно свеж и крайне привлекателен для кафедры некромантии, мои подозрения и надежды уже вились над ним, как трупные мухи.

Полная луна издевательски ярко светила в витражное окно, прорисовывая каждую черту ныне покойного преподавателя. Я не могла отделаться от мысли, что в открытых глазах Бена Лоури застыло выражение всепоглощающего ужаса, что он был уже мертв до жесткого приземления внизу лестницы. Но ректор рассудила, что это предсмертная болевая гримаса.

– Сподобился, – разведя глаза от переносицы, прогудела Лея Мартис, дама, навеки зависшая в должности преподавателя четвертого ранга из-за пристрастия к крепким алкогольным напиткам.

Вот и сейчас фра Мартис икнула, обдав нас стойким запахом бренди и тем самым нивелировав весь эффект от аромата розовой воды, щедро напысканной в рот для конспирации.

– Допрыгался, – с досадой констатировала ректор Малена Броу, несмотря на поздний час наглухо запечатанная в свое строгое платье с белым воротником.

– Не повезло, – хлюпнула носом Беатрис Тилпс, моя ровесница, временами очень сердобольная барышня, преподаватель третьего ранга на факультете зельеваренья.

– Разве это не выглядит как ледяная руна? – осторожно заметила я, наклонившись над трупом.

Мое внимание привлек странный шрам. Вроде бы не ледяной ожег, но очень похож.

– Чушь! – фыркнула ректор. – У нас нет магов со стихией «лед», а чужим в замок не попасть. Наше учебное заведение надежно защищено. Да и все эти разговоры о нашествии нежити вроде моргулов – непроверенные домыслы! Я неоднократно предупреждала декана, что в башне жить опасно. Но он и слушать не хотел, твердил, что нуждается в особой приватности! Как неразумно! Каждый день преодолевать почти три сотни ступенек по винтовой лестнице – у кого угодно голова закружится. К тому же, мне уже сообщили, что сегодня фэр Лоури опаздывал. Значит, спешил.

– Спешил, – пригорюнившись, скорбно подтвердила фра Телингейл, преподаватель алхимии, высокая, худая и всегда

грустная особа.

– И вот, дамы, результат игнорирования банальной техники безопасности! – заявила ректор. – Я вызываю дознавателей. Тело не трогать, студентам не сообщать, все равно сами все узнают.

... – А если это было самоубийство? – мечтательно предположила Беатрис, семена за мной в столовую.

Коридоры Школы взбудоражено бурлили. И виной тому был не только длинный перерыв на ланч, столь обожаемый студентами. Мы с трудом провели утренние занятия: кто-то видел группу дознавателей, входящих в замок на рассвете под бдительным светом Часового Ока, да и отсутствие декана на утренних занятиях заметил весь факультет. Понятное дело, это совсем не способствовало хорошей концентрации студентов, и так вечно парящих в облаках.

– Что думаешь, Лили? Несчастливая любовь? – продолжала вопрошать Бетти. – Он ее любил, а она его – нет. Или оба любили, но не могли быть вместе.

Я покачала головой. Бетти Тилпс считалась окружающими моей лучшей подругой, и я старалась их не разочаровать. В целом мне нравилось это романтическое, легкомысленное создание, с умом, невесомым, как одуванчик в середине лета – дунул, и все мысли разлетелись. Но иногда болтливость Беатрис изрядно напрягала. Вот как сейчас, когда мне хотелось поразмыслить в тишине.

Я часто вспоминала своих подруг по лицу, Ксану и Анну. Вот кто сейчас дал бы мне время на раздумье, а потом с жаром обсудил мои версии. Да и своих подкинул бы с десятков, одна другой невероятнее.

Но пышечка Ксана, с детства склонная к кипучей деятельности, преподавала в столичном университете и готовилась к свадьбе с таким же оголтелым любителем прикладной магии. Невозмутимая Анна открыла собственную лавку и тоже была занята. Приходилось довольствоваться глупышкой Бетти.

– Не уверена, что фэр Лоури способен любить... был. И очень сомневаюсь, что кто-то мог полюбить его, – неохотно высказалась я.

Бетти подумала и согласилась. Декана факультета некроинженерии трудно было бы назвать приятным человеком. Студенты его ненавидели, коллеги-преподаватели глухо недолюбливали. Он регулярно умудрялся затевать ссоры на ровном месте даже с тихой Лорой Телингейл. Меня он терпел. С трудом. Причина была банальной до ужаса – фэр Лоури знал, кто мои родители, так получилось (*).

(* отсылка к книге «Темным ведьмам не отказывают», истории Сола и Эрика, родителей Лили)

– И зачем бросаться с лестницы? Слишком неопределенно и болезненно. Куда проще перешагнуть через перила балкона в собственном кабинете в башне.

– Ты так просто об этом говоришь? – Беатрис передернула

плечами. – О смерти.

– Напомню, что каждый день имею дело с трупами. Вообще-то, они – моя работа.

– Ты работаешь с мертвой нежитью, а не с людьми!

– От одних до других – пара шагов.

– А если его убили? – отказавшись от одной версии, Беатрис переключилась на другую, не менее волнительную.

– Кто? – с деланой усталостью поинтересовалась я, пропуская вперед стайку возбужденных студенток. Сомнений уже не было: мухи слухов просочились в главный корпус.

– Кто угодно! Его терпеть не могли! Один пинок в спину и... фр-р-р!

Бетти красочно изобразила последний полет Бенджамина Лоури. Студентки, идущие позади нас, замороженно застыли, наверное, посчитав, что преподаватель Беатрис Тилпс показывает новое жестовое движение своей коллеге Лили Авенлог.

– И кого ты подозреваешь?

– Как кого? Тебя, конечно! Все знают, что ты, Лили, была следующая в очереди на место декана.

Я остановилась и одарила Бетти весьма многозначительным взглядом. Именно в такие минуты мне страстно желалось придушить Беатрис Тилпс.

Увлечшись, подруга забывала о простых предосторожностях. Вряд ли она сейчас осознавала, что случилось бы, поймай ее слова мимо проходящие, проползавшие, проносящи-

еся и даже левитирующие студиозусы. Не позднее вечера в глазах обитателей замка Друдон я стала бы кровожадной убийцей с железным мотивом. К счастью, зная подругу и размер ушей некоторых студентов, я заранее прикрыла нас рунной тишины.

Один из таких, левитирующих, с большими ушами, Тандус Фрери из моей группы, лениво читал на лету книгу, время от времени поглядывая вокруг. Сокурсники с кислым видом подталкивали его в ноги, задавая направление полета (наверняка они опять проиграли Танди в каком-нибудь споре). Остальные студенты, изголодавшиеся на диете из гранита науки, с возгласами недовольства расступались перед процессией, тормозившей процесс продвижения к заветному ланчу.

Перехватив взгляд Фрери, я вопросительно подняла одну бровь. Студент с несчастным видом перетек в вертикальное положение и поплелся по коридору. «Вы убийца радости, фра Авенлог», – прочитала я в его глазах.

Под мышкой у Тандуса была зажата толстая книга. «Падение сластолюбца, подлинная история Октава Ловеласье, лучшего любовника всех времен, знатока эротически-рунической магии», – со вздохом прочитала я название на корешке. Судя по названию, в поисках незамутненной радости студент знакомился с очередным шедевром из книжной лавки Магды Костан.

Я молча протянула руку. Тандус со стоном разочарования

вложил в нее недочитанную книгу. «Вы – изверг, фра Авенлог!» – вопиял его красноречивый взгляд. Ничего, до выходящих пострадает без низкопробной литературы.

Зачем «Тихий уголок» продает эти «шедевры» нашим оболтусам? У них и так голова невесть чем забита, особенно у девушек. Нужно поговорить с Магдой. А впрочем... лучше вспомнить себя на последнем курсе. «Тайный приворот любви или Фея против Дракона». Как сейчас помню.

Несмотря на скромное название та еще была книженция, с огоньком и выдумкой. Анна сдавала ее желающим за четвертак на две ночи. Студентки, дорвавшись до пикантных подробностей и романтических диалогов, коими изобилывал «Приворот...», ходили на лекции, покачиваясь от недосыпа. Когда это было-то? Неужели всего четыре года назад?

Парящий в трех футах над полом студент и его книга навели меня на мысль: почему декан Лоури не применил жест левитации? Лететь (в буквальном смысле сломя голову – но не сразу же сломя! или сразу?) ему было целых семь оборотов лестницы. Не успел? Запаниковал?

Что я вообще знала о мистере Лоури, помимо того, что он хранил какую-то тайну? Был он хладнокровен или труслив? Истеричка в жизни, в сложных ситуациях декан вполне мог оказаться совсем другим. Мы все носим маски, как говорит мой дядя Райан.

Подруга к моим укоризненным взглядам привыкла и не смутилась.

– А что? Несмотря на все эти ваши вежливые «да, коллега», «нет, коллега», в глубине души вы друг друга ненавидели, – с жаром высказалась Бетти. – Я слышала всякие... неприличные предположения, якобы из уст Лоури...

– ... что я дослужилась до ранга первого уровня за три года исключительно путем постельных стараний, – спокойно договорила я. – А как же иначе? Девушки ведь только так по карьерной лестнице поднимаются, верно? Бетти, до меня эти слухи тоже доходили. Декан Лоури был женоненавистником, об этом знали все.

– Ну вот, – Бетти слегка смутилась. – Чем не мотив?

– Тогда, – я мило улыбнулась подруге, распахивая перед ней дверь столовой, – он был и у тебя – мотивчик-то. Лоури распространял слухи, что ты крутишь амуры со старшекурсниками.

– Ах он...! – возмутилась красная как рак Бетти, присовокупив к восклицанию сочное, но не приличное ругательство.

И все-таки хорошо, что я поставила экран тишины.

... Несколько дней – пока Колледж гудел, по коридорам слонялись незнакомые люди, а вердикт о причинах смерти Лоури все еще не был озвучен – я вела занятия как в своих группах, так и в классах покойного декана.

Преподавателям временно запретили покидать стены замка (протокол безопасности не менялся в Колледже уже сто с лишним лет), и нам с Бетти грозили одичание и голодная

смерть. Первое – потому что мы обе не представляли жизни без развлечений (в моем случае это были новые книги, в случае Беатрис – любительский театр на улице Фонтанов). Бетти считала себя великолепной актрисой. Ректор закрывала глаза на ее лицедейские пристрастия только потому, что театру покровительствовал сам мэр Абрегона.

Второе нам грозило по причине того, что наша столовая умела так непревзойденно портить продукты, на выходе выдавая несъедобное нечто, что ей могли позавидовать станционные забегаловки на тракте, известные в народе как рыгаловки и блеваловки.

Правда, это относилось лишь к обедам и ужинам. Завтрак и ланч доставлялись в замок уже готовыми. Типичная утренняя трапеза включала в себя свежие булочки, пирожки, бутерброды с сыром и ветчиной, морс или чай. Именно поэтому как студенты, так и преподаватели стремились наесться про запас утром, а вечер скоротать в одной из многочисленных таверн городка.

Дознание, наконец, завершилось. Несчастный случай по неосторожности – так гласило заключение о причине смерти декана Лоури. Кто бы сомневался. Никто не собирался слушать какого-то там преподавателя первого ранга, разглядевшего ледяную руну в обычном ожоге.

Запрет на посещение города сняли. Тандус Фрери обзавелся очередной новинкой Октава Ловеласье, которую я мечтала изъять за первое же нарушение правил. Роман «Па-

дение сластолюбца», первая часть трилогии, оказался таким бредом, что я начала подозревать некий розыгрыш со стороны автора – завуалированную пародию на мемуары светских хлыщей, популярные лет сорок назад.

Ну не могло описанное в книге излагаться всерьез! Это было бы слишком... курьезно! Мне хотелось подтвердить свои подозрения или... опровергнуть, а на покупку следующей части «шедевра» было искренне жаль денег. Я поджидала, когда Фрери совершит какой-нибудь промах, а тот заподозрил нехорошее и затаился. В общем, каждый из нас развлекался как мог.

Жизнь постепенно входила в привычное русло. Студенты привычно филонили, а преподаватели привычно скучали. Только сессия и традиционный новогодний бал могли развеять атмосферу всеобщей спячки.

К слову, дни на магическом календаре в холле Колледжа сменялись так быстро, приближая вышеуказанные сакральные события, что в атмосфере начал витать коктейль из предсессионного мандража и радостного предвкушения праздника. Я не позволяла эмоциям проникать под кожу, но, признаться, первый елочный венок на входе ностальгически взволновал мне сердце.

Поздняя осень все теснее захватывала горы в свои объятия. В воздухе пахло снегом, за одну ночь побелели верхушки Морангов, горного хребта, возвышавшегося над Долиной. Кабинет Лоури все еще стоял опечатанным, сведений о

том, кто возглавит факультет некроинженерии, не имелось даже у ректора Броу. Я вела занятия в группе покойного декана, все больше убеждаясь, что при жизни Фэр Лоури был отвратительным преподавателем.

Например, у второкурсников ни разу не проводились лабораторные работы. Фэр Лоури просто вписывал взятые из воздуха цифры в рабочий журнал. Оценки у него зависели от того, полюбился ему студент или нет. Группы жаловались, что изменить мнение декана после его предвзятого оценивания было практически невозможно.

Впрочем, один шанс все-таки имелся. Вместо лабораторных студенты заполняли бесконечные сравнительные таблицы. О, Бенджамин Лоури обожал сравнительные таблицы! Они занимали большую часть в учебных волюмах студиязусов. В них следовало тщательно организовывать материал из учебников. Причем главными критериями оценок были не точность заполнения, а ровно прочерченные линии и аккуратный почерк.

К моему удивлению, у лучшей группы потока под номером «два-пять» восемь волюмов из двенадцати были заполнены одинаковым почерком – мелким, бисерным и хорошо читаемым. Выяснилось, что одна из студенток, Лина Ривз, подрабатывала на заполнении сравнительных таблиц других студентов. Она первой призналась. Со слезами. Остальные ее одноклассники повинились позже.

Я простила всех участников аферы, попросив группу ни-

когда и никому об этом не рассказывать. По крайней мере, мне стало понятно, почему студенты, не способные отличить роговые жвала малой бокоходки от устьиц костоеда, имели по некроинженерии сплошные «хорошо».

Получилось, что в споре с Бетти я была неправа. Все же нашелся один человек, кто искренне оплакивал декана. Лина потеряла неплохой заработок, который ей, стипендиатке и умнице, помогал сводить концы с концами. Я сделала пометку у себя в голове: подыскать для девушки альтернативную подработку, без обмана и вечного страха разоблачения.

В кабинет Лоури меня тянуло, как магнитом. Я уже готова была слегка покопаться в магической печати на его дверях (плевое дело, если знаешь руну), когда дело сдвинулось, наконец, с мертвой точки. Увы, сдвинулось оно совсем не в ту сторону, что нужна была мне.

Глава 2

Ректор Броу вызвала меня прямо во время перемены на ланч. Я поднималась по лестнице, негодуя и ворча про себя. Первый завтрак в тот день я пропустила, предпочтя лишние полчаса сна, а теперь перспектива нормально поесть таяла, как снег.

Однако при виде фра Малены я почувствовала, что, пожалуй, достаточно сыта на сегодня. Ректор сидела, нахохлившись, как сыч, над своим столом с бумагами и свитками. Магические печати отбрасывали нездоровое зеленое сияние на ее лицо.

– Сядь, – мрачно буркнула Малена.

Я аккуратно уселась у монументального стола начальницы. Фра Броу любила и защищала своих преподавателей, даже самых странных. Фра Телингейл, магистр алхимии, тихая, неприметная, неспособная на грубое слово немолодая девушка нашла приют в Дроудоне, когда коллеги по университету довели ее до депрессии и выжили из штата. Благодаря Малене фра Мартис, чуть не скатившаяся в откровенный алкоголизм, смогла отыскать в жизни хрупкий баланс, позволяющий ей исполнять свои рабочие обязанности. И таких было немало.

Я, пожалуй, была самым «нормальным» преподавателем из нашей плеяды. Беатрис доставалось куда больше упреков.

Да, при всей своей сердобольности ректор не упускала малейшей возможности, чтобы нас повоспитывать.

– Я тебя очень ценю, Лили, – продолжила фра Броу, сгорбившись над столом. – Ты чудесный преподаватель, студенты тебя любят.

Перед ректором лежали какие-то бумаги с магическими печатями. Начало разговора подсказывало, что все мои розовые мечты о кресле декана накрылись медным тазиком.

– Знаю, что кроме любви к Колледжу тебя здесь ничто не держит, – вздохнула ректор. – И что ты в любой момент можешь упорхнуть. Сколько тебе лет?

– Двадцать три... почти.

– Вот именно, двадцать три. Лучшие годы.

– Я люблю Дроудон, – возразила я. – И упархивать никуда не собираюсь.

А еще я люблю тайны, загадки и справедливость.

– Не зарекайся... иногда сидишь вот так, сидишь, а потом вдруг замечаешь, что на других лужайках трава-то зеленее и слаще, – пробормотала Малена. Она помолчала, кусая нижнюю губу, и заговорила, когда Часовое Око пробило полдень: – Они сами назначили нового декана некроинженерии, со стороны. Я ничего не смогла сделать. Он тоже выпускник нашего колледжа, но у него больше опыта и заслуг. Самый молодой адъюнкт университета, лучший студент Высших курсов Магистериума, член Коллаборации Истребителей.

– Еще и истребитель, – сказала я. – И как зовут сие дарование?

– Элеан Фо Нойтус. Он еще и высший аристократ. Отец – известный в магических кругах ученый, систематизировавшие редкие виды нежити. Помнишь Эла Нойтуса? Он ведь выпустился несколькими годами раньше, чем ваша банд... компания, даже успел пройти стажировку в старшем лицее.

Ректор подняла глаза от бумаг. Я едва успела вернуть на лицо невозмутимый вид. Ночные лугсы! Конечно, я его помнила! И очень надеялась, что наши пути никогда больше не пересекутся!

– Да, смутно припоминаю. Такой... смуглый брюнет. Он всегда побеждал во конкурсах магии. Как будто она была с ним чем-то... единым.

– Высшая кровь, – с отвращением проговорила фра Броу. – Разумеется, я не рискнула вступать в противостояние с Министерством. Подозреваю, им нужен был не просто кандидат, а проверяющий. Только и слышу, что в нашем «королевстве» все неладно. Сначала пропавшие дети, потом... тот молодой преподаватель... – ректор запнулась и быстро добавила: – Теперь идиот Лоури умудрился испортить мне отчетность!

– Думаю, вы действительно ничего не могли бы сделать, – уверила я Малену.

Та кивнула с заметным облегчением. Она действительно боялась, что я разобижусь. Будь на моем месте кто-то другой,

так бы и случилось. Не могу сказать, что обиды не было. От места декана я бы не отказалась. С другой стороны...

Я спустилась на лестничную площадку и остановилась перед выцветшим витражом. На площадке перед старшим лицом играли в булльшар первокурсники. К ним в команду почему-то затесался Тандус Фрери. Скорее всего, он отработывал пропуски тренировок.

Дроудон. Четыре огромных здания – лица и высший колледж, соединенные в условный квадрат, Часовое Око на башне. Место, к которому я прикипела душой и сердцем. Замок стал мне домом, другом и в чем-то... врагом. Но я была довольна. Жизнь без вызовов скучна.

... Мне было восемь. Мы уже второй месяц жили в столице, так как у папы кончилось терпение. Взять отпуск в университете он не смог, поэтому вызвал семью к себе.

На прогулке по парку мою няню отвлекли двое попрошайек, скалясь, завертели ее, как чайки, хватая за руки и другие места, а растерянную меня взял за руку незнакомый дяденька в черном котелке, надвинутом на лицо.

– Пойдем, девочка, отведу тебя к папе и маме, – ласково сказал он, улыбнувшись и показав ровные белые зубы, очень белые и очень ровные. – Твоя няня повстречала друзей, не будем ей мешать. Мы поедем вон в том красивом мобиле. Нравится?

– Нет, – сказала я и ударила типа темной руной.

Немножко, как папа учил. Не превышая границ предельной самообороны, как он выражался. Но дяденьке все равно не понравилось. Он отлетел на несколько метров и, вставая, начал плести руну «амир». В тот момент я совершенно забыла, что это руна делала. Кажется, папа меня такой не учил. Я бы с удовольствием поглядела, как дядя в шляпе (уже без шляпы) справляется с боевым заклинанием, но он невежливо проорал:

– Ах ты, адское отродье! – и протянул ко мне руку с руной на пальцах.

Я обиделась. «Отродьем» экономка называла нашего домашнего огнелапика Типси, когда тот себя плохо вел. Я вела себя хорошо. Ну... последние три недели точно. Ну... по крайней мере, старалась.

Сделав вывод, что вряд ли руна «амир» пойдет мне на пользу, я ударила еще раз, попав прямо в незаконченную руну дядьки. Что-то полыхнуло, щелкнуло, в лицо ударил порыв ветра. При виде павшего на землю вожака остальная команда разбежалась. Я отправилась помогать рыдающей няне.

Потом мы пошли домой. Потом няня куда-то исчезла, а вместе с ней ее вещи. Потом меня долго расспрашивали какие-то серьезные дяди в мантиях. Потом мы сели на маленький дирижабль и улетели домой, в Грез. Там родители устроили совещание.

Я могла бы скрафтить подслушивающую руну, но они не сильно-то и скрывались. Я села на лестнице и слушала их

разговор в гостиной. Огнезаяц Типси вытянулся рядом на ступеньке и заснул, подергивая перепончатыми крыльями.

– ... еще хуже, чем я думала! – странным глухим голосом воскликнула мама, тяжело шагая туда-сюда по комнате. – Я вообще не вижу решений!

– Мы ее спрячем, – уверенно сказал отец. – Есть люди, которые мне более чем обязаны. Один из них – ректор при Школе Высшей магии в Абрегоне. Темный замок Дроудон, слышала о таком? До старших классов я учился в лицее в Дроудоне. Лили пойдет там в младшие классы.

– Абрегон?! Эрик, это же Север! Так далеко! И именно сейчас! Ребенок может родиться со дня на день!

Я услышала папины шаги. Наверное, он обнял маму, потому что ее рыдания приглушились:

– Сола, не плачь. Да, случилось непредвиденное. О даре Лили узнали больше, чем должны были знать. Я уверен, что утечка произошла в семье, и выясню, кто нас предал. Теперь наша дочь в постоянной опасности. Так называемые «белые спасители» совсем распоясались. В новостях то и дело мелькают сообщения об исчезновении темных магов. Я долго думал, но не нашел другого способа обезопасить Лили.

– Она может остаться здесь, в Доме! Дом ее не выдаст!

– И стать затворницей? Дроудон – огромная территория с парком, площадками для игр, спортивными кортами, там даже есть речка и кусочек заповедного леса. Каждый маг, попадающий в замок, оставляет в замке частичку своей энергии,

и защита никогда не ослабевает. Студенты находятся под постоянным присмотром его Часового Ока. Чужие не могут проникнуть внутрь без серьезных на то оснований. Лили будет учиться. Я договорюсь, чтобы она продолжала занятия боевой магией. Как только наша дочь подрастет, сбалансирует свой мультидар и научится им пользоваться без угрозы для окружающих, мы заберем ее домой.

Горестные рыдания мамы стихли.

– Она будет так далеко.

– Мы сможем ее навещать. Чуть позже, конечно. В этот раз я сделаю все сам: отвезу Лили на север и замету следы. Ей придется взять другую фамилию. Не из-за опасности, а чтобы привлекать поменьше внимания.

– Авенлог, – прошептала мама.

Типси проснулся, поджал хвост и, ворча, уполз под лестницу. Он хорошо знал фамилию моей прабабушки, поскольку боялся Вейлу Авенлог пуще веника экономки.

– А если она не захочет? – с затухающей надеждой спросила мама.

– Захочу! – громко выпалила я.

Родители вышли в холл.

– Хочешь уехать от нас и жить так далеко? – мама смотрела на меня с ужасом.

– Ну мам! Как ты не понимаешь?! Если это большая школа, я смогу найти себе там друзей! Не как здесь! Здесь я совсем одна! То есть не одна, а с вами... – я запнулась, но мама

и папа понимающе кивнули. – А вы с братиком будете меня навещать на каникулах, привозить подарки! Это же весело!

Мама положила руку на живот и вздохнула. По ее щеке скатилась большая слеза. Я бросилась обнимать и ее, и будущего братишку в животе.

– Вот и славно, – удовлетворенно, но немного грустно сказал папа. – Тебе будет хорошо в Дроудоне, солнышко. Никакое зло не может туда проникнуть.

Но папа был прав лишь отчасти.

... Через окно я наблюдала, как Тандус Фрери отдает мяч первокурснику, присаживается на лавку и воровато оглядывается. Я заинтересовалась. Размытый витражом силуэт Фрери потянулся к сумке, лежащей на скамейке, и достал из нее – о радость! – толстую книгу.

По лестнице как раз поднимался фэр Стипс, молодой преподаватель спортивных дисциплин.

– Донди, – по-дружески обратилась я к нему, – почему студент Фрери занимается с первокурсниками?

При виде меня Стипс приосанился и постарался развернуть и без того широкие мускулистые плечи. Под мышкой он держал мяч для буллшара.

– Он наказан, – напыщенно произнес преподаватель. – Он прогуливал уроки спорта. Спорт – это жизнь! Это сила, страсть, притяжение сердце и тел...

– Каков нахал, – пробормотала я. – Значит, на лавочке

сидеть ему не положено?

– На лавочке? – встрепенулся Донди, выглядывая в окно. – Ну все, Фрери, минус семь баллов!

– Я сама ему скажу. И накажу, – быстро проговорила я. – Как раз собиралась вниз.

– Спасибо, – проникновенно поблагодарил меня фэр Стипс. – Меня вызвала Малена. Полагаю, речь пойдет о вечеринке в честь нового декана некроинженерии. Ты как, Лили? – выпуклые глаза Донди смотрели сочувственно. – Не сильно переживаешь?

– Из-за места декана? Ни капельки. Сразу было понятно, что даже с первым рангом мне ничего не светит. Это я так... позволила себе помечтать. Правда, Донди, я в порядке.

– Ну... хорошо... – Стипс помялся. – Кстати, о вечеринке...

– Да?

Донди выгнулся еще сильнее, подкручивая лихой ус и демонстрируя тонкую талию и мощные ноги в трико.

– Не хочешь пойти туда со...?

Мяч выскользнул у него из-под мышки и весело запрыгал по ступеням.

– Я поймаю и отнесу на площадку, – прокричала я, устремляясь за беглецом. – Удачи у ректора!

Стипс – хороший парень. Однако, полагаю, в данном случае причина его ко мне симпатии – мое старое невыводимое заклятие. К тому же я терпеть не могу мужчин с тонкими

напомаженными усиками.

Завидев меня, Тандус Фрери заметался по лавке, пытаясь спрятать книгу. Но не успел, понурился и вздохнул.

– Минус семь баллов! – злорадно сообщила я. – За то, что бездельничаешь. Сдавай макулатуру и бегом бегать.

– У вас третий глаз? – кисло поинтересовался Танди, протягивая мне книгу. – Умеете вырастать из-под земли?

– У меня нюх на безобразия.

– Хоть первый том верните. Это личная собственность, вообще-то.

– Верну, когда отработаешь прогулы, – выкрутилась я.

Мне хотелось сравнить стиль написания обоих томов. Мало верилось, что у автора такое богатое воображение. Наверняка над текстом работал не один человек. И мне ужасно хотелось знать, кто он, потому как в последних главах «Падения сластолюбца...» упоминались Дроудон и обитающее в его подземельях неведомое жуткое Зло. Не то ли это Зло, которое разыскивал покойный декан Лоури? И не оно ли в конце концов добралось до бедного Бенджамина?

Я поднялась в башню в западном крыле, повернула ключ в замке... Меня встретили родные запахи и бормотание радио. Дом, милый дом... Я единственная из преподавателей жила так близко к кампус-апартаментам, в той самой угловой комнате, которую нам милостиво уступила куратор еще в младшем лицее. Мы тогда победили в конкурсе на лучший проект по квазибиологии.

Теперь тут стояла одна кровать вместо трех. Пустое пространство заполнили массивный шкаф и книжные полки.

Из окна была видна крыша общежития. В Белленхейм недавно пришла мода на загар, и прошлым летом мне частенько открывалась удивительная картина: студентки загорали на крыше в одних панталончиках, а кто и без.

Поскольку я довольно часто поглядывала в окно на Часовое Око, я быстро привыкла лицезреть свою группу в костюмах Евы, зато на занятиях при виде одетых студенток у меня возникало чувство дезориентации. К счастью, до следующего лета было еще далеко.

Я бросила ключи в потрепанную сумочку на вешалке, творение Ксаны. Кажется, мы тогда учились в среднем лицее, и подруга увлеклась вышивкой. Она долго и старательно ковыряла пальцы иглой. В итоге ее мучений на фоне зеленых травинок выпукло пламенел алый мак. Дойдя до стебля, Ксана потеряла интерес к рукоделию и занялась фотографией. Из вышитой ткани она сшила кривоватую сумочку на бечевке. С тех пор мы бросали в нее ключи и всякую мелочь вроде шпилек.

Я вернулась к сумочке и вытащила из нее старый ржавый ключ. Повертела его в руках. Вот бы узнать, что он открывает. Единственный способ – обойти весь нижний этаж и подземелье Дроудона, что мало осуществимо. Но декан Лоури зачем-то же его хранил! Я сама видела, как он тайком пробирается в подвал ночью.

Ключ выпал из кармана декана при падении с лестницы, а я тихонько вытащила его из-под ноги трупа. Присвоила улику, так сказать. Но совесть меня совершенно не мучила.

Глава 3

– Итак, – проговорила я. – Сегодняшний раздел для изучения – «Отслеживание, контроль и другие принципы безопасной эксплуатации некрожизни». Открыли волюмы, записали тему. Фэр Фрери, сделайте ответить: как проще всего установить механизм контроля в только что созданном и оживленном квазиорганизме?

Тандус завозился на стуле, ошалело хлопая мутными глазами. Небось, накануне раздобыл очередной эротическо-рунический шедевр и опять пожертвовал сном.

– Идите сюда, – смилостивилась я. – Будете ассистировать.

Фрери милости не оценил и побледнел. Я вообще не понимала, зачем он поступил на факультет некроинженерии и как доучился до третьего курса. Пошел на принцип, чтобы победить страх перед квазижизнью? Пока что это у него получалось плохо.

– Я жду вас, Тандус. Смелее.

Студент поднялся и поплелся к кафедре, где на столе уже сидела только что слепленная мной миниатюрная камнеедка.

С удовольствием погладила висящий на шее ключ от хранилища при лаборатории. Раньше мне приходилось кланяться в ножки Лоури каждый раз, когда требовался материал для создания некро-единицы. Теперь я могла использовать

любые составляющие, разумеется, под отчет и учет.

– Для камнеедки мы использовали... – подсказала я. – Что мы использовали, господин Фрери?

– Камни, – пророкотал Тандус, косясь на угрожающе двигающую плоскими челюстями некрожизнь.

– Не простые, а...

– Из старого нечищеного колодца, – подумав, ответил студент. – В нечищенных колодцах много темной энергии, там всегда заводится какая-нибудь гадость.

– Правильно! – обрадовалась я. – Вы не безнадежны, фэр Фрери. Будьте любезны, перечислите и опишите руны, позволившие мне соединить вместе...

В дверь постучались. В аудиторию заглянула секретарь ректора:

– Фра Авенлог, вас вызывает госпожа Броу.

– Буду через минуту, – пообещала я и обратилась к группе: – В мое отсутствие разбейтесь на две группы, выберите составляющие вот из этих коробок и слепите простую эфирницу, мгома или берестянку... или что сами хотите. Из обязательных функций – зрение, обоняние, осязание и базовые рефлексy. Навык преследования не встраивать... как и голлод. Чтобы когда я вернусь, меня не попытались догнать и сожрать. Проявите... инициативу, в меру, конечно, используйте творческий подход. Команда с лучшим проектом получит по пять баллов. Все ясно?

– Да, фра Авенлог, – нестройно ответили студенты.

Они дружно зашуршали учебниками и забегали по аудитории, договариваясь, кто возглавит команды.

Я подхватила камнеедку под брюхо и переставила на другой край стола. Она попыталась цапнуть меня за руку, но я свела пальцы в руну «рур» и во всеобщей суете незаметно припечатала ее на каменную голову твари, сделав знак невидимым. Пусть голем посидит на столе и позыркает на студизусов, они-то не знают, что в нежити вот-вот кончится энергетический импульс. И мало ли что я в нее встроила. Подсматривающее око, например. Знаю я этих студизусов, сама такой была.

– Нойтус ожидает тебя в кабинете Лоури, – сообщила мне Малена.

– Новый декан? – ужаснулась я. – Сейчас? Когда же он приехал?

– На рассвете, – ректор обреченно махнула рукой. – Не выйдет из этого добра, попомни мое слово, Лили, раз все с первого дня пошло не так да еще и началось со смерти Бенджамина, будь он неладен.

Выяснилось, что великолепного Эла Фо Нойтуса, адъюнкта, истребителя и почетного выпускника множества престижных заведений, не узнало Часовое Око. Он самонадеянно явился в замок пешком, без предупреждения, из Абрегона, где остановился на постоялом дворе. В результате Нойтус полчаса прождал перед Вратами, а потом еще полтора часа,

пока Тандус Фрери искал Привратника.

– Танди? – удивилась я. – Что он забыл на рассвете у Врат?

– Говорит, встречал первые лучи солнца.

– Фрери? – я недоверчиво покачала головой. – Теперь понятно, почему он такой сонный. Надеюсь, он не поцапался с новым деканом. У Тандуса язык без костей и никакого понимания иерархии.

– Ну... – ректор почесала подбородок, – какая-то перепалка между ними все же состоялась. Но Фрери был в своем праве. Никто не может проникнуть в Друдон без разрешения Ока.

– Это верно, – согласилась я.

И отправилась на ковер к начальству.

... Постучалась, вошла в приоткрытую дверь, боковым зрением отметила черный плащ на крюке и что-то белое на диване. Фра Нойтуса в кабинете не было. Что ж, и высшим аристократам иногда приходится отлучаться в уборную.

Заинтересовалась раскрытым блокнотом на столе декана – почерк в нем принадлежал покойному. Потянулась, чтобы перевернуть страницу, и тут диван Лоури, огромный кожаный монстр, вздохнул и пошевелился.

Я подпрыгнула и в ужасе уставилась на задремавшего на нем мужчину. Спавшего, кстати, вполне расслабленно, если не считать скрещенных на груди рук.

Если бы Эл Нойтус сложил руки по-покойнически, его лег-

ко можно было перепутать с вампиром, при свете дня прикорнувшим на любимом черном ложе. Стеганая кожа дивана усиливала сходство с внутренней отделкой гроба.

Дело было именно в том, что Эл Нойтус больше не был брюнетом. Его волосы поражали снежной белизной. Достаточно длинные, они были собраны в косу на мехорский манер. Кожа, впрочем, по-прежнему оставалась оливково-смуглой, выдавая темную кровь и, возможно, долгие часы под солнцем в поездках.

Истребители – они ведь выслеживают перерожденных. И в случае необходимости выжигают дотла свой резерв. Тогда их волосы становятся белыми, а глаза – угольно-черными...

– Сильно изменился? – спросил вдруг «вампир», не открывая глаз.

И голос, голос тоже остался прежним, чарующе хриловатым...

... Впервые я услышала этот голос в младшем лицее, в свой первый день в Дроудоне.

Денек, скажем так, выдался так себе. По дороге я подслушала разговор папы с его помощниками по магическому беспроводному телефону. Понять не поняла, но потребовала объяснений.

– Видишь ли, Лили, – со вздохом признался отец, глядя в иллюминатор. – Люди бывают очень злыми. Мы думали, что наша няня Флоу – добрая, высоконравственная женщина, а

она... она оказалась не очень хорошей.

– Что с ней?!

Няню Флоу я не любила, уж очень высококонравственной она была – иными словами, занудливой перфекционисткой. Но я привыкла к ее монотонной речи и придирам. Главное, она не ругалась, если заставляла за использованием моей «экспериментальной» магии. Наоборот, внимательно смотрела, улыбалась и хвалила.

– С ней произошло... несчастье. Люди, которым она продала твою тайну, причинили ей вред. Увы, ее больше нет.

– А тот дяденька в круглой шляпе? – всхлипнула я, дико волнуясь. Уж ему-то точно причинила вред Я!

– Хм. С ним все хорошо... почти, – поспешил заверить меня папа. – Мы полагаем, он скоро придет в себя и перестанет мычать и пускать слюни.

В итоге, по коридорам Дроудона я шагала унылая и подавленная. Что если эти «белые спасители» не так уж и неправы, охотясь на темных магов? Сколько всего нехорошего произошло с людьми из-за моего странного дара. Я пыталась его приручить, честно! Но вот что-то не получалось.

К моему великому разочарованию, Дроудон встретил меня не дружелюбно, а холодно. Я чувствовала его отстраненное внимание. Меня будто бы изучали, как букашку, прикидывая, место ли такой, как я, среди темных обитателей замка.

И сами обитатели, ученики лицеев и студенты, взирали

на меня с любопытством, но без одобрения. Потенциальные друзья не выпрыгивали из-за угла, становясь в очередь. Преподаватели не просили интервью, восхищаясь моим талантом к крафтингу рун. Меня вообще предупредили, что я должна скрывать свои способности.

По ошибке я забрела в залы старшего лица. По пути мне попадались лощенные юноши и холеные девицы, все в красивых темно-синих мантиях с капюшонами. Больше всего неприятного внимания я получила от девушек. Они хихикали, рассматривая мое цветастое платье (форму мне еще не выдали) и небольшой дорожный несессер и не отвечали на мои наивные вопросы.

Я с тоской думала о папе. Он улетел в Грез на своем личном дирижабле, оставив меня в Дроудоне. Улетел домой. К маме, Типси, Фрипсу, нашим механическим слугам и живым портретам в галерее. Я пришла к совершенно точному выводу: мне не нравится в Дроудоне, я хочу домой!!!

Слезы заволокли глаза, и я врзалась в коренастого вихрастого юношу лет пятнадцати, одетого в аккуратную с иголочки мантию. Он шел посередине группы таких же гордых самоуверенных парней.

– О боги! – театрально вскричал он. – Меня чуть не сбילה с ног какая-то деревенщина! Кто пустил тебя в Дроудон, дикое дитя? Часовое Око сломалось?!

– Я не дикая, – насупившись, сказала я. – Я новенькая.

– Ты рыжая, как пес Привратника!

Тут парень просчитался. Это было совсем не обидно, наоборот, я сочла его слова за комплимент. Рыжая собачка Привратника, милое, беспородное и очень приветливое создание, с которым я успела познакомиться, пока папа общался с ректором, очень мне понравилось. Но я все равно огрызнулась:

– Ну и что? В Дроудоне могут учиться разные дети! Я знаю, я читала в Кодексе школы!

– О, она начитанная, – вихрастый парень скривился. – В деревнях нынче учат алфавиту? Все буквы знаешь? А руны?

– Я не из деревни! Я Лили Ф... – чуть не проболталась! – Лили Мо Авенлог! Я знаю руны! А вот с вами, невоспитанный грубый фэр, не ведающий приличных манер, я пока не знакома!

Приятели парня дружно заржали, а тот покраснел и, задрав подбородок, важно сообщил:

– Я Крэй Фо Гульфер!

– Гульфик? – удивилась я, поскольку последние слоги имени заглушил смех лицеистов.

Новый взрыв хохота заставил парня нехорошо покраснеть.

– И чего ты прицепился к моему платью? – возмущенно продолжила я. – Мне еще не выдали мантию. Когда выдадут, я буду, как все!

– Ты никогда не будешь, как все! – выпалил Крэй Фо Гульфер. – Ты – отброс!

– Сам отброс! Кто ты вообще такой? Фэр Гульффик, главный по платьям и прическам?

– Да ты...! – парень поднял руку, словно для оплеухи, и сжал губы.

– Опять связался с восьмилеткой, Гульфер? – раздалось у меня над ухом.

От этого мягкого бархатистого голоса по спине побежали мурашки, но я все-таки воинственно буркнула через плечо:

– Мне почти девять.

Крэй с досадой смотрел на человека позади меня. Я тоже обернулась. Этот парень был смугл, высок, гибок и темноволосян и представлял собой полную противоположность задире. Это показалось мне хорошим знаком.

– Отстань, Нойтус, – раздраженно кинул Гульфер. – Занимайся своими делами. Можно подумать, ты образец идеального поведения.

– Не образец, – покладисто согласился тот, кого называли Нойтусом. – Но к малышам не цепляюсь. Зато могу сообщить твоему старосте, что ты опять кошмарил младший лицей.

– Вот и целуйся с этой... идиоткой! Смотри только чем-нибудь не заразись. Она еще вчера коров пасла среди навоза.

Гульфер закинул на плечо кожаную сумку и двинулся дальше. Нойтус оценивающе поглядел на меня.

– Я не буду с тобой целоваться! – испуганно пробормотала я. – Мне только восемь.

– Не бойся, не понадобится, – успокоил меня Нойтус, весело усмехнувшись. – Крэй любит говорить гадости. Если опять докопается, грозись, что расскажешь старосте группы. Это его брат, он сообщает отцу Крэя о его поведении, а тот очень любит воспитывать сына... грубыми методами.

– Спасибо за совет, – в ужасе пролепетала я. – Грубыми это... розгами?

– Много будешь знать, голова заболит. Ты в какой группе? Что делаешь в крыле старших?

– Заблудилась, – всхлипнула я. – Потерялась. Я в группе семь!

– Ясно. Я Эл Нойтус, если что. Элеан Фо Нойтус, группа пять, старший лицей. Сам отвести тебя не смогу, сегодня мое дежурство. Сейчас найдем, кому тебя препоручить, – парень повертел головой и обрадованно крикнул: – Эй, Анна! А ты тут зачем?

Я посмотрела в направлении взгляда Эла Нойтуса и увидела самое прекрасное создание на свете. Это была девочка примерно моего возраста, высокая, голубоглазая с длинными каштановыми волосами и правильными чертами лица. Она не шла, а словно парила над полом. Именно такой прямой осанки безуспешно добивалась от меня няня Флоу в течение целого года.

– Мне нужна была книга из библиотеки старшего лицей, – мелодичным голосом пояснила девочка, подойдя ближе. В руках она несла тяжелый гримуар.

– Опоздаешь на ланч, – предупредил ее Нойтус. – Заодно отведи новенькую, она в седьмой группе. Она только кажется маленькой и миленькой, а в реальности способна дать отпор старшекурснику.

– Ты со мной в одной группе, – Анна смотрела на меня с любопытством, но без холодности. – Ну идем.

Маленькая и миленькая – так назвал меня Эл Нойтус. Я думала об этом всю дорогу в здание младшего лицея, семеня за Анной. Старшие лицеисты казались мне ужасно взрослыми и вредными. Повезло же встретить хоть одного нормального парня!

После ланча мне выдали форму, я привела волосы в порядок и пошла в класс. К моей превеликой радости, место возле Анны оказалось пустым, и она не стала возражать, когда я уселась рядом.

– Мне можно с тобой дружить? – смело выпалила я после первого занятия (довольно простого, поскольку я уже знала базовые руны).

Затаила дыхание, ожидая ответа.

– Думаю, да, – Анна утонченно наклонила голову в знак согласия, но ее волосы остались идеально гладкими. – Но ты должна кое-что знать. Я не аристократка, мой род очень простой, и я учусь на стипендию.

– Ну и что? – растерялась я. – Из-за этого мы не сможем дружить?

Анна улыбнулась и протянула мне руку:

– Анна Ферли, младший лицей. Мне скоро десять, я старше тебя. Родители долго не хотели отдавать меня в Дроудон, здесь трудно учиться и... дорого. У меня смешанная магия.

– Лили Мо Авенлог, – тем же официальным тоном ответила я, пожав изящную ладошку. – У меня тоже смешанная магия, мне почти девять. Родители меня тут спрятали, потому что дар у меня... странный.

– Вот и познакомились. Если тебе нужно место в кампусе, я живу одна в комнате.

Я с облегчением выдохнула. День, начавшийся скверно, закончился прекрасно.

...

– Как вы думаете, фра Гензие, я сильно изменился? – лениво повторил новый декан, не раскрывая глаз.

– Поскольку я не фра Гензие, то затрудняюсь ответить, – сухо вато сообщила я.

Элеан Нойтус открыл глаза. Черные, а не светло-карие, как раньше.

– Фра Гензие ушла на пенсию, – добавила я, стараясь не рассматривать мужчину слишком жадно. Сочетание белых волос и черных глаз вышибло из меня воздух. – Два года назад.

– Да, вы явно не старушка Генза, – пробормотал декан, садясь. – С кем имею честь?

– Лили Мо Авенлог, преподаватель первого ранга, фа-

культет некроинженерии.

– Слышал о вас, но представлял другой, постарше. Вы самый молодой преподаватель первого ранга в Дроудоне, я читал вашу статью в журнале «Квазижизнь». А я Эл Нойтус, если что, – глядя мне в глаза, проникновенно произнес мужчина. – Элеан Фо Нойтус. Я ваш новый декан, и с этого дня вы моя лаборантка.

... – Что?! Лаборантка?! – я впервые в жизни почувствовала, что технически глаза могут действительно передвигаться по лицу. На лоб. – А почему не уборщица?

– Уборщица у меня уже есть, – охотно сообщил Нойтус. – Я привез фра Оксиан с собой. Боюсь, вам, фра Авенлог, потребуется еще три года, чтобы приблизиться к ее уровню профессионального таланта.

– Вы меня с кем-то перепутали! У меня первый ранг! Поищите кого-нибудь другого на эту весьма *престижную* должность! Фра Лоутон вам подойдет! У нее *четвертый* ранг!

– А что не устраивает вас? – Эл Нойтус откинулся на спинку дивана и окинул меня внимательным взглядом. – Учитывая ваши обстоятельства...

– Какие еще обстоятельства?!

Разговор все больше мне не нравился. И даже невероятная внешность Элеана как-то поблекла перед предчувствуемыми моим чутким нутром неприятностями.

Меж тем Нойтус снял алый шарф гильдии истребителей,

и под темно-коричневым твидовым пиджаком с вездесущими кожаными заплатками на рукавах обнаружилась шелковая рубашка модного оттенка «обсидиан». Хоть что-то осталось неизменным – любовь Эла к шелковым рубашкам.

Неужели он меня совсем не помнит? Таких, как я, рыжих дочерей Димора, в Дроудоне училось человек десять. Но мое имя! «А что имя? – хмыкнул глас скепсиса в голове. – Имя самое затрапезное. Шесть лет прошло. Или больше?».

В старшем лицее я была вечно растрепанной торопыгой, головной болью для преподавателей, занозой в мягких местах задир и грубиянов, частью знаменитого трио «Лили-Анна-Ксана».

Я превратилась в чинную барышню, уважаемого преподавателя без малейшего пятна на репутации. И волосы я тоже выпрямляла, бытовой руной собственного изобретения.

– Ранг необходимо подтверждать каждые семь месяцев, – монотонно сообщил новый декан. – Из вашего портфолио и бумаг фра Беатрис Тилпс следует, что послезавтра истекает срок подачи документов для продления ваших статусов...

– Нам это известно! И мы ждем бумаги для нового подтверждения!

Тут я всерьез занервничала. Тест на профпригодность должен был прийти на почту еще две недели назад. Но не пришел. Я до такой степени задраконила младшего почтмейстера, что при моем приближении несчастный молодой человек прятался за стойку.

– Однако вышел новый указ, – тем же скучным тоном изрек Нойтус. – Еще месяц назад. Совет принял решение о запрете заочного тестирования, даже для удаленных учреждений страны. Каждый кандидат в конце указанного срока должен явиться в Министерство по магическому образованию Белленхейма за счет оногo и пройти тест очно. Разве фра Броу вас не предупредила?

Я похолодела. Ректор Броу любила персонал Дроудона, но не склонна была возлагать на свои плечи частные заботы. Поэтому я выписывала «Магическую педагогику» со всеми новостями из мира образования. И именно тот самый важный свежий номер пришел с опозданием на месяц! А я просто забыла его прочитать из-за повышенной нагрузки! Впрочем, все равно бы не успела в Круасо на тест. Разве что попросила бы папу прислать за мной дирижабль.

Чтобы оправдаться, мне потребовалось бы слишком много глупых слов. Скучающее выражение лица Нойтуса к ним не располагало. Оставалось только молча признать свою ошибку. Роковую.

Если не сдам тест вовремя, у меня отберут ранг. А ведь я карабкалась по карьерной лестнице так быстро, как только могла. За три года поднялась почти на вершину и даже собиралась ее штурмовать, подав заявку на дальнейшее повышение и между делом став самым молодым деканом. Не сумела. Не выдюжила. И все потому, что расслабилась здесь, в Дроудоне, думая, что ничего плохого уже не случится.

– Ну-ну, не расстраивайтесь, фра Авенлог, – едко проговорил новый декан. – В столицу вы не успеете. Однако есть способ избежать дисквалификации. Я его уже предложил.

– Место лаборантки? – недоверчиво предположила я.

– Именно. Сегодня же пишете заявление на должность младшего адъюнкта при новом декане, отправляете его срочной магической почтой в Белленхейм. Выбираете тему проекта. Ссылаетесь на меня. Вам в кратчайшие сроки заменяют метод оценивания. Стажировку проходите под моим руководством...

– В качестве лаборантки? – золотое будущее окончательно окрасилось в серые тона.

– Да что вы заладили? – раздраженно буркнул Нойтус. – Должность как должность. Да, признаюсь честно: я воспользовался вашим невниманием к должностям обязанностям. Если вам так нравится, считайте это шантажом. Вы мастер в создании некрожизни, я декан. Мне необходима помощь. Считайте, что в Дроудоне я человек новый, здесь все изменилось с момента моей учебы... Все изменились, и ваша помощь...

В дверь постучали, и в кабинет просунулся нос Тандуса Фрери.

– Простите, – пробормотал студент. – Занятие скоро заканчивается, проекты готовы.

– Это вы?! Немедленно вон! – рявкнул Нойтус, сразу узнав студиозуса, продержавшего его полтора часа на холоде

возле закрытых Врат. – Хотя бы на сегодня избавьте меня от вашей физиономии, фэр Фрери! Вы приносите несчастье!

Танди нехорошо прищурился, но ушел.

– Это за мной, – сурово напомнила я. – У меня занятие, вообще-то. И к слову, мне не нравится шантаж. Ни в каком виде. Не боитесь, что мы не сработаемся?

– Вас мне описывали как спокойного, выдержанного профессионала. Неожиданно пробудился бунтарский дух, фра Авенлог?

– Нет, но...

– Тогда продолжим наш разговор вечером, например, за ужином...

Теперь на лоб поползли мои брови.

– ... в столовой колледжа, – договорил Нойтус, поднимаясь с дивана.

А вот это он зря. Я мстительно прищурилась, повторяя выражение лица Тандуса Фрери. Ужин в столовой? Ну-ну.

– А пока подумайте над моим предложением. Я ведь не просто декан, мне поручили кое-что изучить.

Я была уже у двери, но обернулась, ожидая продолжения. Сердце забилось чаще. Броу была права: Элеан не просто так появился в Дроудоне.

– Нечто весьма... странное, – медленно произнес Нойтус от окна. Он раздвинул занавески и смотрел на Часовое Око. – Не опаздывайте на ужин, фра Авенлог. И приведите в порядок прическу. Вы сегодня растрепаны.

Выскочив из кабинета, я ринулась к ближайшему зеркалу. В ужасе уставилась на свое отражение. Выглаженные утром в гладкий шелк а-ля Анна волосы завились в крупные кудри и поднялись над плечами, словно пружинки. Что за день?! Даже любимая руна меня подводит!

Глава 4

Пока я шагала в класс, чтобы продолжить прерванное занятие, в голову снова полезли воспоминания детства. Они все были связаны с Элеанор Нойтусом, чему я уже не удивлялась. Этот самоуверенный тип вывел меня из себя! Подловил на единственной ошибке, видите ли! Прическа ему моя не нравится, понимаете ли! И почему он так изменился? Или не изменился, а всегда был таким?

... Мне скоро исполнялось шестнадцать... и меня отправили извиняться перед новым стажером на кафедре боевой магии.

Я поднималась по лестнице в преподавательские апартаменты. Ноги нервно заплетались, нос непроизвольно всхлипывал. Мне было стыдно и страшно. Из-за меня пострадал человек – парень, к которому я всегда испытывала симпатию.

Я чуть было не попала в большую беду. МЫ чуть было не попали, Анна, Ксана и я. Девчонок я кое-как отмазала, приняв удар на себя. Анна могла лишиться стипендии, а у Ксаны родители и так подумывали после окончания лицея перевести ее в колледж поближе к дому. Моей же репутации уже ничто не могло навредить.

Мне крупно повезло, что стажер Нойтус согласился не по-

давать жалобу в попечительский совет, а решить дело полюбовно. А еще боги смилостивились, не отобрав у молодого человека зрение – петарды от нежити довольно часто становились причиной травм глаз у магов.

Я постучалась в нужную дверь и робко вошла. Элеан Фо Нойтус лежал на кровати, лицом к окну. Его глаза были прикрыты маской, пропитанной лечебными настоями.

– Кто здесь? – хрипло спросил он. Неужели горло тоже обжег?

– Это Лили Авенлог, – пролепетала я. – Это я... это из-за меня... Я пришла извиниться.

Элеан хмыкнул:

– Только извиниться?

– А что еще? – растерялась я.

– Загладить свою вину, например. Из-за вас я вынужден прервать стажировку, а это плохо скажется на моих результатах. Какого демона вас вообще понесло в подвал с петардой?

– Мы... я... выслеживала нежить для своего проекта.

– В подвале Дроудона?

– Да. Там имеются «слепые зоны», недоступные для Часового Ока. Я поставила ловушку, а в нее попали... вы. А что ВЫ там делали?

– Исследовал подвал, как и вы. Однако в отличие от вас догадался обойтись без шума и вспышек.

– Простите... мне жаль, правда. Очень больно?

Студент снова фыркнул. Мол, сама как думаешь.

Элеану Фо Нойтусу было двадцать два. Он окончил колледж Дроудона и учился на третьем курсе Магического университета в Круасо. В качестве места для практики Нойтус избрал родную альма матер.

– И что... и что я могу для вас сделать? – в голову ничего, кроме уборки в идеально чистой комнате, не приходило.

– Поскольку мне нужно готовить проект на экзамен по практике, будешь читать мне учебники по магии, – отрезал парень. – Я договорился с твоим деканом. Приходить в это же время, каждый вечер. Читать быстро, четко и внятно. Мне понадобится бумага с разметкой для слепых. Купишь в канцелярской лавке за свой счет.

– Да-да, конечно, – засуетилась я.

Боги, да это отличное наказание! Лучше не придумаешь! Может, и мне перепадут кое-какие знания о боевых рунах и позициях?

Однако тема проекта оказалась безобразно скучной. Эл Нойтус изучал энергетические векторы. Поначалу у меня возникли проблемы с проговариванием формул из жутко сложных книг, и раненый стажер злился, потому что часто неправильно записывал за мной данные. Но через пару дней дело пошло на лад.

Я приходила каждый вечер. Иногда замечала, что Нойтусу скучно не меньше, чем мне. В такие дни он часто пропускал мимо ушей целые главы книг.

– Вы опять все прослушали, фэр Нойтус! Во втором абзаце упоминалась фрагментарная система построения, а не сплошная!

– Хватит умничать, фра Авенлог! В учебнике сплошная, а у меня прерывистая! Имею я право на альтернативное решение уравнения? Ответы же совпали!

Он был гением в боевых векторах, этот Нойтус. Именно потому он легко перешагивал через курсы университета, блестяще сдавая все экзамены.

Иногда в его комнате я заставала лекаря. Фэр Лобс менял повязку, каждый раз добродушно повторяя:

– Еще одно небольшое улучшение-достижение. Скоро зрение полностью восстановится.

– Скорей бы, – бурчал Элеан.

... – Сегодня никаких учебников, – рывкнул он однажды вечером, когда за окном разверзлись небеса и на Друдон обрушился мрачный осенний ливень. – Фра Лили, что вы посоветуете из художественной литературы?

– Какой жанр? – растерялась я.

– Только не любовный!

– Фра Гаата Кристин пишет неплохие детективные романы. Одно удовольствие разгадывать ее ребусы. В лавку «Тихий уголок» как раз поступила новинка. Я еще ее не читала. Как раз собиралась купить, но пошел дождь.

– В лавке есть аппарат для почтовой магии? Закажите

книгу прямо сейчас. На столе стоит шкатулка. Возьмите из нее... сколько стоит книга?

– Шесть-семь креатов. Плюс магическая доставка.

– Хм... книги нынче дороги. Скрепите послание моим родовым перстнем. А ваши родители знают, на что вы тратите карманные деньги?

– Они рады, что не на сладости, – нашлась я. Мои карманные деньги в основном улетали на наши с девочками эксперименты. Книги были далеко не главной статьей расхода. – От сладкого портятся зубы.

– Пока доставляется детектив, расскажете о себе?

– О себе? Зачем?

– А что еще вы можете рассказать, чтобы заполнить паузу?

– Ну... у меня есть брат. Он забавный: на вид серьезный, а сам шалунишка...

– Почему я нисколько не удивляюсь? Это семейное?

– В некоторой степени. Мама в юности тоже любила... эксперименты. У нас просторный дом. Папа тоже... преподает.

Что я еще могла рассказать? О наших механических слугах с вживленными душами помощников, давших обет вечно служить Фо Амалям? О живых портретах папиных предков, язвительных и самодовольных? О достижениях мамы, перевернувших представление о смешанной магии?

Все это выдало бы меня с потрохами. Вряд ли, конечно, Нойтус стал бы наводить обо мне справки и сдавать ведьмо-

борцам, но вдруг! Одно случайно сорвавшееся с языка слово могло навести охотников на мой след.

Ряды «белых спасителей» изрядно поредели за последние семь лет, но мы еще боялись. Недавно выяснилось, что один из пэров парламента оказался тайным членом секты «Противостояния Тьме». Он готовил диверсию в Высшем суде.

– У меня есть дядя! – радостно вспомнила я. – Он некромант. Может видеть призраков, не в отражениях, а прямо в эфире! Моя тетя Крис тоже некромантка. В общем, семья у меня самая обыкновенная.

Тут в шкапулке материализовалась заказанная книга, и я начала читать вслух. Убийцу вычислил Нойтус. Честно говоря, я ему поддалась. Зато в следующем томе (нарочно опять выбрала тот, что не читала) главную загадку сюжета решила я, еще в седьмой главе.

– Конечно, убийца был не один, – рассуждала я. – Каждый из пассажиров дирижабля отметился на бедной жертве, поставив свою смертельную руну. Поэтому рун было семь. Последние заговорщики ставили руны уже на трупе.

– Мотив?

– Убитый был отвратительным типом. Это месть чистой воды! Коллективная!

– Ты уже ее читала!

– Нет! Честное слово! Хочешь, поставлю руну правды?

– А поставь.

– Вот!

– Ладно, прощена.

– А как ты смог увидеть мою руну через повязку?!

– Я ее почувствовал! Читай дальше. Еще не факт, что ты права.

Несколько недель спустя встревоженный фэр Лобс решил собрать консилиум. Глаза пациента полностью вылечились, однако зрение не возвращалось.

– Психическое, – возбужденно бормотал лекарь, заглядывая в янтарные глаза Эла. – В трудах психоаналитика господина Трауса упоминаются случаи, когда пациенты не прозревали, так как разочаровались в жизни и больше не желали лицезреть ее темные стороны.

– Я ни в чем не разочаровался, – устало возражал Нойтус. – Темные стороны жизни – моя среда, я в них как рыба в воде. Дайте мне пару дней, доктор. Кажется, я уже вижу очертания головы своей чтицы. Она похожа на собачку Привратника, такая же рыжая и лохматая.

Еще через несколько дней наши посиделки закончились. Нойтус уехал в столицу, даже не попрощавшись. В Школе ходили слухи о каком-то скандале, сопровождавшем его отъезд, но ничего не подтвердилось.

У меня остались прочитанные нами книги фра Кристин и... безответная влюбленность, от которой чуть позже я благополучно избавилась магическим способом. Больше мы с Элом не виделись... вплоть до сегодняшнего дня.

Я пригладила волосы, вошла в класс, приблизилась к ла-

бораторным столам Тандуса Фрери и Лины Ривз (второкурсница-стипендиатка имела право во внеурочное время посещать занятия на старших курсах и предпочитала мои пары) и... остолбенела.

К созданному командой Лины мгому претензий у меня не имелось. Племя мехор, известное своими талантами к некроконструкторству, до сих пор активно использовало подобную нежить как в быту, так в других аспектах жизни.

Плетеные змеи мгомы обычно охраняли кладбища и тотемы. Они представляли серьезную опасность для охотников за драгоценными камнями в глазницах идолов.

Для создания мгомов брались хорошо вымоченные ореховые прутья, достаточно гибкие, чтобы придушить осквернителей сакральных мест. Древние руны приводили материал в движение – стебли свивались в змея, невидимого в зарослях. Некоторые экземпляры мгомов, в зависимости от охраняемого объекта, достигали трех метров в длину.

Мои студенты ореховых прутьев не нашли, но не поленились сбегать в парк за ивовыми. Древние мехорские руны, разумеется, в колледже тоже не преподавались (упасите боги!). Однако и с ограниченными позициями оживления мгом получился гибким и подвижным. Поскрипывая ивняком, он танцевал на хвосте, время от времени делая короткие раздраженные выпады в сторону студентов. Девочки старались держаться за спинами парней, на всякий случай.

Но то, что сотворила команда Танди, воистину было проявлением недюжинной изобретательности и... хм... сарказма. Я раскрыла рот, изучая невиданную зверушку, собранную из черных мраморных шариков для игры в «сферы». Эти шарики я отобрала у нахального лицеиста, устроившего турнир у самых дверей кабинета, и ссыпала в ящик стола.

В общем, Фрери воспользовался самым черным материалом, до которого смог дотянуться. Мрамор переливался, отливая оттенком обсидиана.

Команда собрала гибкую нежить, похожую на миниатюрную грызу.

Потемневший череп некро-единицы, явно кошачий, был извлечен из коробки лабораторных материалов. Лапы, передние, которые, стоя на хвосте, существо прижимало к груди, и задние, покрытые черной шерстью, студенты собрали из крошечных косточек неопознанного зверька, возможно, не одного. Два кусочка угля заняли места в глазницах. Клок белой шерсти непонятного происхождения на макушке существа чьими-то ловкими пальчиками был аккуратно заплетен в мехорскую косичку.

Не знаю, что меня добило больше: белая косичка или алый шарфик из ленточки, кокетливо повязанный на шею «проекта», но я сдавленно прохрипела:

– Фрери, ты открыл руну бессмертия? Поэтому такой смелый?

Задние ряды команды Танди тихо захихикали. Валерия

Ирли, застенчивая отличница, смущаясь, выскользнула из-за Фрери и накинула на спину существу крошечный плащ из обрывка черной кожи.

– Теперь полный комплект, – робко констатировала она и опять спряталась.

– Фра Авенлог! – громогласно оскорбился Тандус. – Не знаю, чего вы там подумали, но это ископаемый диморский мозгогрыз! Улучшенная версия! Смотрите, какой он пластичный.

Фрери ткнул монстрика в спину и чуть не заработал укус. Существо действительно вертелось, как хотело, за счет того, что мраморные шарики свободно соединялись руной «целое». Однако лишённая возможности перемещаться, нападать и защищаться, тварь злилась.

Ее угольные глазки внезапно вспыхнули двумя живыми огоньками, но тут же потухли. Вероятно, нежить чувствовала, что теряет импульс, и сэкономила энергию.

Я с нарастающим любопытством заглянула ей в глаза.

– Вы сделали угли несгораемыми? Это материал старшего курса.

– Лина поделилась руной, – гордо отрапортовал Тандус. – Правда, он милый?

«А как похож», – добавила я мысленно.

И заторопилась. Во-первых, замок зазвенел от переливчатого сигнала на перемену, во-вторых, Элеан Нойтус мог в любой момент пройтись по классам с инспекцией и узреть

свою маленькую копию, с холодной отстраненностью изучающую стоявших вокруг людей. Это делало ее особенно похожей на оригинал.

– Всем спасибо! Всем по пять баллов! – объявила я, делая вид, что все так и задумывалась. – Фра Ривз, растворите импульс.

Студентка со вздохом поставила руны «затухание». Ивовая змея рассыпалась на веточки. Лина сходила за веником и подмела у стола.

– Ладно, сегодня отчет о работе можете не писать, – с фальшивым сожалением сообщила я. – Урок получился... смазанным. Фэр Фрери, ваша очередь.

Тандус попытался поставить руны на «ископаемого мозгогрыза». Однако мрамор, материал, хорошо сохраняющий остаточный импульс, не дал твари развоплотиться немедленно.

– Оставьте так, – махнула я рукой. – Положу в коробку и заберу с собой. Заодно верну шарики владельцу, когда ЭТО рассыплется.

Камнеедка уже приказала долго жить. В который раз я поймала себя на сожалении. Нежить – не жизнь, ее активность и реакции – последствия применения рун. И все-таки иногда я ощущала некий момент привязанности, инстинктивное желание продлить иллюзорное существование своих творений.

Камни остались на столе как небрежное подтверждение

проведенного занятия. На голову мозгогрызки была водружена руна подчинения. Так я могла без членовредительства поместить проект в картонную коробку.

Дома я поставила ее на полку. Квазижизнь упорно шебуршала в коробке, пока я стояла и глядела в пустоту.

Я устала. Эл Нойтус огорчил меня и растревожил. До его появления все шло почти хорошо. У меня имелись мои твари, книги и прогулки, скорый визит родни, тихие зимние вечера перед камином, ужины в «Теплом эле»...

Ужин! Волей Нойтуса моя прекрасная пятничная трапеза в тихом кабачке фэра Билли Рофки грозила превратиться в садистское насилие над желудком. В нашей столовой съедобным был только хлеб да и то не всегда. Не знаю, как выживали студенты, живущие на стипендию. Ближайший к Дродону «Теплый эль» был им не по карману, это точно.

– Сиди здесь, – грозно велела я коробке.

Та возмущенно задергалась. На полке рядом упала плашмя квадратная тетрадка. Ах, вот ты где, моя магическая книга! Все еще светишься от избытка редких рун, расставленных на страницах для исполнения вписанных желаний.

Я до сих пор гордилась своим детским творением. Благодаря ему мое сердце всегда было спокойно. Даже сейчас... наверное.

Еще раз проверила слабеющего мозгогрыза и вышла из комнаты. Даже переодеваться не стала. Руна для укладки волос снова начала действовать. Не то чтобы я хотела пора-

довать Эла Нойтуса, но как ни крути стиль рыжей собачки Привратника остался в далеком детстве.

... Ну разумеется, никто не собирался травить нового декана яствами из школьных котелков! Наивная Лили, как ты могла подумать обратное?

Перед Нойтусом выстроились блюда с жареными ребрышками, молодым картофелем, цветной капустой в кляре и разнообразными салатами. Молодой картофель осенью? Не иначе как главный повар разорил теплицы зельеваров, тайно от руководства выделивших грядки (исключительно для личного пользования) под магически ускоренные овощи.

Я плюхнулась на стул напротив Эла и мрачно продемонстрировала ему титульный лист будущего проекта. Пришлось забежать в библиотеку и проинспектировать запасы книг и статей по теме. Заодно проверила, как выглядел настоящий ископаемый мозгогрыз. Не так эффектно, как творение группы Танди, надо отметить.

Элеан Нойтус прожевал кусочек редиса, элегантно промокнул губы салфеткой и удивленным тоном зачитал первые строки титульного листа вслух.

– «Эмпатия в производстве квазижизни, ее влияние на психический баланс и мотивацию адепта»?

– Прекрасная тема, не правда ли? – невозмутимо поинтересовалась я. – Давно хотела заняться чем-нибудь... эмпирическим. Без руководителя такую вершину самой не взять,

зато с вами... Мне будут нужны испытуемые. Надеюсь, вы и в этом окажете мне поддержку.

С лицом Нойтуса происходило нечто странное. Верхняя губа и нижние веки странно подергивались, челюсти напряглись. То ли Элеана пробило на нервный тик, то ли на моих глазах – о чудо! – зарождалась улыбка. Первое импонировало мне гораздо больше, однако новый декан успешно справился с лицевыми судорогами и, пожевав губами, мрачно произнес:

– Пишите заявление. Завтра же подпишу и отправлю через личный канал. А пока поужинайте со мной. Фра Биллис, то же самое для моей помощницы, пожалуйста!

Наша подавальщица, корпулентная Фра Биллис, которую ввиду объемов талии и постоянного отсутствия на рабочем месте студенты называли «необходимой», с кислой улыбкой появилась в зале. Сразу стало понятно, что на остатки от ужина Нойтуса у нее были другие планы.

Я хотела отказаться, но молодой картофель завлек меня своими гладкими бочками. Да и погода начала портиться, желание тащиться куда-то под дождем, даже в «Теплый эль», таяло с каждой минутой.

Принявшись за еду, я потихоньку разглядывала Эла Нойтуса. Он переделся в тонкий свитер и брюки в королевскую клетку и превратился в типичного представителя преподавательской элиты. Если бы не белые волосы, он не привлекал бы к себе особого внимания.

Хотя о чем я говорю? Конечно, привлекал бы! Донди Стипс со всеми его мускулами и модной одеждой смотрелся бы рядом как фермерский бычок рядом с породистым скакуном.

Вот и пара студенток, ковырявших фирменное рагу фра Тибри, с кроликом, тоже, видимо эмпирическим (правда, я несколько раз обнаруживала в тарелке некие вываренные добела косточки, после чего меня неумолимо тянуло проверить целостность коробок с материалами для создания нежити в лаборатории), зачарованно глядели в сторону нового декана, забывая подносить ко рту ложки.

– Как насчет Беатрис Тилпс? – с вызовом в голосе поинтересовалась я. – Она тоже опоздала с прохождением теста.

– Зельевары, третий ранг? Я с ней уже поговорил. Как раз перед вами. Фра Тилпс уже, надеюсь, подала повторное заявление и отправила его срочной почтой, – снисходительно сообщил Нойтус. – Ей перенесут сроки тестирования. Ввиду того, что указ недавний, соискателям пока позволено сдвигать даты.

– Что? – я с громким звоном уронила вилку в салатницу. – Значит, и я могу? Почему вы мне сразу не сказали?

Эл Нойтус смотрел мимо меня, куда-то далеко, через высокий, от пола, до каменного свода, витраж. Изображенное на нем «Единство Тьмы и Света» светлело, знаменуя восьмой час пополудни.

Луч Часового Ока двигался с башни сквозь четыре здания

Дроудона. Я почувствовала, как он прошел через столовую. Через всех нас. С детства до мурашек боялась, что однажды Око обнаружит в замке что-то чужеродное. Или кого-то. Но в последний раз такое случилось полвека назад.

– Я не сказал вам, чтобы вы подумали, – заговорил Эл, когда сияние луча ушло через стены столовой в коридоры первого этажа. – Вы ведь догадались, что я не с пустыми руками сюда явился. И вовсе не затем, чтобы портить вам жизнь. Во-первых, мои полномочия. Я вправе задавать любые вопросы, проводить любые изыскания. Во-вторых, ваши возможности. Как моему лаборанту вам доступны ключи от всех помещений Дроудона и, естественно, результаты моего расследования. У меня тоже есть проект. Когда-то выяснилось, что в подвалах замка имеются слепые зоны. Для Часового Ока они недоступны. Вы ведь тоже здешняя выпускница. Помните, как в подземельях Дроудоне пропадали дети?

– Да, – хрипло ответила я, пытаюсь выудить вилку из салата. Пальцы не слушались. – Мы дружили.

– А два года назад погиб молодой преподаватель.

– Его я тоже знала.

– Недавно скончался декан Бенджамин Лоури.

– Но дознаватели...

– Смерть похожа на случайную, – кивнул Нойтус. – Но у меня имеются основания в этом сомневаться. Труп еще здесь, в Дроудоне, в стазисе. Хотите завтра взглянуть?

– Да! То есть...

Почему я так легко поддаюсь на шантаж и клюю на наживки?

– У вас ночь на размышление, – проговорил Элеан, вставая. – Завтра можете написать заявление на перенос даты подтверждения ранга. Вернетесь к обычной жизни. Сможете учиться и после моего отъезда... я здесь ненадолго... претендовать на место декана. А можете стать моим лаборантом, раскрыть секрет эмпатии к некрожизни и обшарить подземелья Дроудона. Решайте, фра Авенлог. В случае отказа я поищу другого помощника. Полагаю, желающие найдутся.

Глава 5

Открыв дверь в комнату, я услышала, как в коробке еле слышно скребется мозгогрыз. Зря я притащила создание к себе: Фо Нойтус явно не собирался инспектировать факультет на выходных, а мне теперь гадай, когда у твари кончится импульс. Ох уж эта эмпатия.

Когда зажглись лампы, на столе появилась корзинка с припрятанным с прошлой вылазки печеньем, а в медном чайнике на магической горелке закипела вода, я, наконец, почувствовала себя если не в своей тарелке, то на краю своего блюдца.

Утром мне наверняка придется глядеть в глаза Бетти. В Абрегоне трудно разминуться. Нет, я ни в чем ее не обвиняю, с ней-то Эл Нойтус в свои игры не играл. Однако она тоже ждала тесты и знала, как я тревожусь. Беатрис не забежала ко мне в аудиторию с предупреждением после визита к новому декану (как это сделала бы я), не прислала вечером «голубя».

Я еще раз проверила почтовый короб в окне – ни одного сообщения. Может, Беатрис рассчитывала, что я, как девочка взрослая, сама справлюсь? Или я опять пытаюсь перенести мои правила дружбы с Анной и Ксаной на ни к чему не обязывающее общение с Бетти.

С другой стороны, благодаря злобному шантажу Эла, я со-

гласилась помогать ему в исследовании подвалов Дроудона. Это ведь всегда было моей целью.

Нойтус рассчитывает найти... Кстати, что он рассчитывает найти в подземелье? Все подвалы давно закрыты решетками и опечатаны. В последний раз в них проникал лишь... покойный Лоури, чей труп меня любезно пригласили осмотреть завтра.

Я подошла к полке и осторожно прислушалась к звукам из коробки. Тишина. Неужели отлучился?

Взяла свою старую магическую тетрадь и уселась у окна пить ромашковый чай. Ксана сейчас посоветовала бы что-нибудь покрепче, а Анна насильно засыпала бы мне в рот один из своих успокаивающих порошков.

Первые записи детским почерком я пролистала. «Хочу, чтобы в мире не было войн и все люди жили щасливо». Вряд ли желание не сбылось из-за ошибки, просто десятилетняя Лили Фо Амаль еще не знала, что в мире, где правит ненасытная жажда денег и власти, детские мечты обречены на поражение.

Вот, нашла. Я провела пальцем по строчкам. Слова вспыхнули голубоватым свечением. Магия была жива, она всегда жила в моей тетради с редкими рунами, питаюсь из загадочного неиссякаемого источника. Секрет этой тонкой книжечки не разгадали даже папа с дядей Райаном. У них имелись лишь предположения. Я привыкла считать, что мои крафтовые руны улавливали лунную магию замка.

Нахлынули воспоминания, первые воспоминания девочки, понявшей, как жесток мир.

... Мы стояли во дворе Дроудона. Шел дождь, но никто не двинулся с места даже после слов ректора Юдена о том, что церемония прощания закончена и мы можем расходиться. Я видела профили Анны, невозмутимой, но поджавшей побелевшие губы, и Ксаны, которая не стыдилась своих слез и громко всхлипывала.

Жрец Чернолики опустил в чашу имена детей и обошел ее против часовой стрелки. Монах из храма Белолики налил в свою чашу молоко и мед и вылил подношение на землю, прося Богиню позаботиться о детских душах. Мы поминали Люси, Дэнни и Гроу, детей, пропавших в подвалах Дроудона. Мы впервые почувствовали, что защита замка не так идеальна, как нам всегда казалось.

Поисковики покинули замок накануне. В подземельях Дроудона не осталось ни одного необследованного закутка. Многие в городе, конечно, украдкой шептались о тайных комнатах и порталах в мир фейри, но карта всех четырех подвалов, висевшая в коридоре колледжа с момента исчезновения детей, была от и до заполнена красными крестиками.

Подземелье всегда привлекало лицеистов и студюзов. Там проводились «ужасные и кровавые» ритуалы посвящения в «тайные» сообщества, в темных нишах тискались

влюбленные парочки, и не было лучше места, чтобы ставить запрещенные в помещениях школы эксперименты.

Нас можно было предупредить, запугивать, лишать ужинов и баллов – каждый рейд в подземелье вспугивал стайку нарушителей. Мы не верили. Мы все считали Дроудон самым безопасным местом на земле. Так и было. Пока не пропали Люси, Денни и Гроу. От них не осталось ничего, даже клочка ткани. Будь это нежить или несчастный случай, искатели что-нибудь да отыскали бы.

После церемонии мы вернулись в комнату без слов и комментариев. Все, что можно, было давно сказано и сделано. Разумеется, наша неразлучная троица пыталась пробраться в подземелье, и нам это даже удалось, однако мы отступили перед неизбежным пониманием: хорошо экипированные взрослые справлялись гораздо лучше, чем три школьницы, пусть и с особыми талантами.

Я проснулась ночью и зажгла свет. Анна и Ксана не спали. Обе молча поднялись с кроватей и наблюдали, как я строю руны и вписываю новое желание в тетрадь: «Клянусь, что не покину замок Дроудон, пока не выясню тайну пропажи наших друзей Люси, Гроу и Денни».

Подруги тоже поставили свои имена под клятвой, однако десять лет спустя в замке оставалась только я. И это казалось мне справедливым. Клятва была моим личным обещанием, а Анна и Ксана лишь гарантировали свою поддержку.

... Ромашковый чай помог. Я крепко спала всю ночь и утро субботы встретила отдохнувшей. Тварь не подавала признаков жизни. Оставалось только выяснить, в какой комнате жил мальчик по имени Крис, владелец мраморных шариков.

Пока пила свежесваренный кофе, накропала список дел на сегодня: зайти в книжную лавку, позвонить родителям, пополнить запасы чая и сладостей.

Внезапно поймала себя на том, что раздраженно прислушиваюсь к монотонному звуку – шелесту, тихому, словно песок в часах. Я осмотрела комнату и обнаружила, что шуршание исходит от полки с коробкой. Один ее угол был аккуратно прогрызен. Дыра росла на моих глазах. В ней угадывалось шевеление. Обрывки картона падали на пол.

– Какого...? – проговорила я, на безопасном расстоянии наклонившись к дыре. – Ты серьезно? Но как?!

Я заранее сплела пальцы в руну и осторожно приоткрыла крышку. Тварь лежала на дне, безжизненно вытянувшись, но еще в целом виде. Должно быть, в коробку забежала мышь. Или...

Мозгогрыз открыл глаза. Они недобро вспыхнули двумя огоньками, и творение команды Тандуса Фрери ощерилось и бросилось мне в лицо.

... Я успела поставить отклоняющую руну, мысленно поблагодарив папины уроки. Помнится, недовольно пищала,

когда он гонял меня по подвалу нашего дома в Грезе, но мама тоже считала, что в неожиданных ситуациях ничто не спасает лучше, чем доведенные до автоматизма позиции.

Мозгогрыз шлепнулся у ножки стула, ничуть не пострадал.

– Да что тебя держит-то?! – одновременно с досадой и восхищением воскликнула я. – Как ты подзаряжаешься?!

Тварь ухватила за кончик скатерти и полезла на стол. Ее, вне всякого сомнения, привлекал приоткрытый почтовый короб. Я послала в дверцу короба импульс и она захлопнулась. Только в самом ужасном сне я могла представить, как нежить разгуливает по замку среди оставшихся на выходные студентов.

Демонстрируя недюжинные для квазинежити интеллектуальные способности, мозгогрыз попытался подцепить дверцу лапой, и ему это почти удалось.

– Ну, сам напросился, – со вздохом проговорила я, сложив пальцы в смертоносную для нежити руну «диф».

Тварь повернулась и посмотрела мне прямо в глаза, словно знала, что сейчас произойдет. Ее взгляд... мои пальцы как-то сами разомкнулись, но я удержала позицию. Нежить, а тем более квазинежить не приручается, не дрессируется, по крайней мере, я никогда о таком не слышала. Разве что в детстве мечтала...

– Ночные лугсы, – с чувством сообщила я мозгогрызу, который сжался в комок и закрыл угольные глаза, ожидая ги-

бели. – Проклятие! Не может этого быть!

... В конце концов, мозгогрыз схлопотал парализующую руну «шуш» и вытянулся на столе. Я приблизилась к нему, прижав пальцы к гудящим вискам.

Впрочем, магическая тетрадка по-прежнему была под рукой, и на первых страницах я нашла одну из самых проникновенных, как мне казалось в девять лет, записей: *«Скучаю по Типси и Фрипсу, нашим огнелаякам. Хочу, чтобы у меня появился фамильяр. Не хочу кошек и собак, они скучные (на полях нарисована зачеркнутая кошка с длинными усами). Огнелаяпы и все огнедышащие в Дроудоне запрещены (печальная рожица). Но мы учимся лепить квазинежить. Когда-нибудь я слеплю самого лучшего квазика! Пусть он будет опасный, ловкий и умный, не огнедышащий. И чтобы он был пушистый. И чтобы он меня ОЧЕНЬ любил и защищал».*

– ... – сочно выразилась я. – И ты почти сутки провел возле моего дневника. Надеюсь, только подзаряжался, а не превращался в фамильяра. Второго Эла Нойтуса под боком я не выдержу.

Наклонилась над парализованной тварью и похолодела: часть черепа со стороны клока на макушке заросла мягким темным пушком. То же самое произошло с костяным хвостом, переходящим в хребет.

Мозгогрыз превращался в пушистика – все, как заказыва-

ли. А мраморные шарики затянулись тонкой кожистой пленкой и, кажется, сплющились в овальные «пуговицы». Получается, желание догнало меня спустя столько лет?! Почему сейчас?! Еще в тринадцать я бы отнеслась к нему гораздо позитивнее!

– Эй, эй, ты – квазинежить! Ты не можешь превратиться в настоящую нежить! Слышишь? Это противоречило бы всем законам магии и биологии!

Мозгогрыз не мог ответить и вообще плевать хотел на законы. Зато так энергично и выразительно повел глазами (уже гладкими и напоминающими уголь только цветом), что я поняла: ему происходящее нравится даже меньше, чем мне. Он обретал плоть и псевдоразум. И если я не ошиблась, углядев в его взгляде и поведении осознанность, то поставила бы его на второй уровень интеллекта по шкале Предо-Амаля.

– Сознание – это вообще больно, – сочувственно пробормотала я. – Но есть хорошие новости: во-первых, сегодня ты не умрешь. Во-вторых, одно из условий пока не выполнено – безответная ко мне любовь. Так что все еще может закончиться... тихо. В-третьих, если ты действительно мой немного запоздавший подарок на день рождения, проект по эмпатии обретет новое звучание. Сама не верю, что это говорю!

Пока тварь не очухалась, я притащила из лаборатории клетку для содержания подопытных существ. Дополнительно расставила руны усмирения по контуру и переложила мозгогрыза внутрь. Я продолжала называть командное тво-

рение мозгогрызом, хотя оно на моих глазах превращалось в нечто иное.

Вернув твари подвижность, я положила тетрадь под клетку. Однако логика подсказывала, что истинную нежить, за звание которой упорно боролся результат случайного лабораторного эксперимента, одной магией не прокормишь.

– Купить тебе консервы? – задумалась я. – Собачьи или кошачьи? Вот как-то не верится, что ты травоядный.

Тварь пометалась по клетке, определила размеры бедствия и принялась добросовестно... вылизываться. Язык у нее был короткий и раздвоенный, но с такой гибкостью ей удавалось доставать до самых сложных мест. К языку липли короткие темные волоски. До пушистой белой макушки, правда, мозгогрызу добраться не удалось, и в дело пошла сучоватая костяная лапка.

– И средство для удаления шерстяных комков из желудка, – обреченно констатировала я.

... – Вот! – я бухнула оба тома «Падения сластолюбца...» на прилавок перед хозяйкой книжной лавки. – Ваше?

– Наше, – флегматично подтвердила Магда Костан. – Заказали дюжину экземпляров каждой части. Еще закажу, хорошо берут. У студентов отобрала?

– Ну не сама же купила!

– Понравилось?

– Местами даже всплакнула, – призналась я. – А сцена с

плетками – просто шедевр. Что знаешь про автора сего бреда?

Магда пожевала губами и направилась к полкам с каталогом. Пока она перебирала аккуратно расставленные карточки (скрупулезность и организованность фра Костан пробуждали у меня чувство неполноценности при каждом посещении лавки), я осматривала стенд с новинками.

Рука сама потянулась к очередному роману Гааты Кристин. Нет, детективы я больше не читаю. Не моего уровня литература.

– Возьми со скидкой, – посоветовала Магда. – Говорят, как откроешь с вечера, так утром только оторваться сможешь.

– Ночью спать нужно, – строго возразила я. – Так что там с Ловеласье?

– Загадочная личность, – сообщила Магда, скользя глазами по карточке. В отличие от остальных у нее была заполнена лишь одна сторона. – Фото нет, но читатели говорят, красавчик.

Я удивилась:

– А откуда им это известно?

– Этот Октав собирает целые залы. Встречи с читателями прямо в магазинах и библиотеках, слышала о таком? Я тоже приглашение в издательство написала, вдруг приедет. Хотя вряд ли. По слухам он в Дроудоне учился, только никто не знает его настоящего имени. Вот я и думаю: раз под псевдо-

нимом пишет, сомнительно, что приедет светиться в Абрегон. Наверняка аристократ. С деньгами туго, вот и кропает пошловато-нетленное.

– Он упоминает о подземельях школы, – напомнила я.

– Так тут весь город о них знает, чего хошь расскажут, только наливать успевай, – фыркнула Магда.

И то верно. Я оставила книги в лавке, намереваясь забрать их на обратном пути, и отправилась на телефонный пункт.

... Встреча с Бетти на телефонном пункте стала непредвиденной помехой. Обычно я заказывала самый дорогой тариф с магическим экраном, который мог дотянуться до абонента в любом месте Белленхейма, Димора, Земель эльвов и Трансландии.

Однако мои коллеги по-прежнему считали меня небогатой Лили Авенлог, карьеристкой и занудой. И наверняка скупердяйкой, жалеющей деньги на яркие наряды.

Лили Авенлог вряд ли могла позволить себе потратить сто креатов на междугородний вызов. Поэтому, заметив Беатрис Тилпс, я застряла у стенда с открытками, якобы выбирая «привет из Абрегона». К сожалению, у меня не осталось друзей, родни и знакомых, кому бы я уже не отправила виды замка Дроудон, гор Морангов, Долины и мрачного северного побережья.

Ну разумеется, Бетти Тилпс полностью оправдала мои ожидания! У нее имелась веская причина, чтобы в день, ко-

гда ее вызвал к себе новый декан, напрочь забыть о своей подруге.

– Лили! – она схватила меня за руку. – Ты его видела?! Бесподобный красавчик! Я просто онемела! Толком не слышала, что он говорит! Знаешь, сколько мы беседовали? Целых двадцать минут! Уверена, он положил на меня глаз! А его скорбное кольцо ты видела? Если и была помолвка, то ее уже нет! И сны... Мне потом снились такие яркие сны! Как будто мы вдвоем, в лесах Мехора, выслеживаем колдунов! Жарко, и на нас лишь набедренные повязки...

– Да-да, отличный сон! – заметив, что к пересказу эротических фантазий подруги прислушивается вся почта, я оттащила Бетти в угол. – Ты отправила запрос на перенос даты?

– Да, – Бетти удивленно выкатила невинные голубые глазенки. – Конечно, в тот же вечер. А ты?

– Вот, собираюсь, – уклончиво сообщила я.

Если сейчас сказать экзальтированной Беатрис, что я планирую работать с Нойтусом в весьма... хм... близком контакте, реакция может оказаться неожиданной.

– Ладно, – к моей великой радости, бросила Беатрис, поправляя крошечную ярко-желтую шляпку не по сезону. – Я позвонила маме, тете и считаю семейные долги выплаченными. Пойду в театр, у нас репетиция. Нужно пригласить фэра Нойтуса на постановку «Плакучей ивы»! Как ты думаешь?

– Непременно пригласи. Лично.

Довольная как слон Бетти убралась восвояси. Я воровато

оглянулась, оплатила полчаса разговора и нырнула в вип-кабинку.

Полупрозрачный экран долго показывал белесую муть, а не родителей. Никто не отвечал, хотя брат обычно слышал сигнал вызова даже на чердаке. Слуги тоже не спешили реагировать. Это означало, что семейство Фо Амалей находилось в поездке.

И действительно, минут пять спустя магический экран показал улыбающуюся маму с Дейзи на руках и обстановку дорогого купе с мелькающими видами за окном.

– Это Лили? Лили? – повторял невидимый пока папа.

Брат не соизволил даже кивнуть, делая вид, что погружен в книгу. Вот же негодник! Получишь ты у меня подарок на Двенадцатую Ночь! Подростки невыносимы! Я в его возрасте...

Сразу вспомнилось, как в пятнадцать я поставила ловушку на нежить в подвале Дроудона. Желание раскрыть тайну исчезновения трех детей не давало мне жить спокойно. В ловушку тогда попал повзрослевший Эл Нойтус. Кажется, мы оба с ним еще не закрыли некоторые долги.

Поэтому я решила отложить воспитательную работу на потом и дружелюбно поздоровалась:

– Мам, пап, Вит. Дейзи! Ты так подросла! Что у тебя в руках?

Сестренка с серьезным видом продемонстрировала мне обслонявленный резиновый диск для режущихся зубов.

Дейзи чаще видела меня по экрану, чем в реальности.

Первые десять минут всегда принадлежали маме. Она поведала, что семейство направлялось навестить троюродную тетку Ханну. Ее в нашей семье терпеть не могли за склочный нрав и скупость. Но отцу поручили осмотреть древние храмы племени мехор на побережье. Что-то нехорошее там происходит.

– Вот, – вздохнула мама. – Три недели в обществе тети Ханны. Мне уже плохо.

Я сочувственно пожелала ей стойкости. Знаю, чем она станет донимать маму. До скудного ума тетки никак не доходило, почему Лили Фо Амаль до сих пор не была замужем в двадцать два!

Обсудив родню, я умоляюще попросила маму:

– Оставишь нас с папой поговорить?

– Ох уж ваши секреты, – фыркнула мама. – Пойдемте перекусим в вагоне-ресторане, да, дети?

На самом деле, мама высоко ценила, что я выросла папиной дочкой. Так, считала она, я больше прислушивалась к мнению и советам отца и тем самым ковала щит собственной безопасности.

Мама увела младших, дверь в купе закрылась. Я увидела вспышку какой-то руны, поставленной отцом, скорее всего, против магической прослушки.

– Все в порядке, Лили? – папа пересел на мамино место.

– Все отлично. У нас новый декан.

Папа нахмурился:

– А-а-а...?

– Мое повышение? Оно будет, но позже. Пап, что ты знаешь о Нойтусах? Что это за семья?

– Нойтусы. Почему ты о них вспомнила? Вы учились вместе. Из-за этого?

– Не совсем.

– Это очень большой род и обширная тема для обсуждения. Давай ее сузим.

– Хорошо. Элеан Фо Нойтус.

– А что с ним не так? – отец заметно напрягся.

– Все так. Он наш новый декан.

– Значит, все-таки сумел...

– Что сумел?

– Э-э-э... сумел вернуться в сферу образования. У парня странная карьера.

– Это точно.

– И что он тебе рассказал?

– В том-то и дело, что почти ничего. У него какое-то особое задание, связанное с Дроудоном и тем случаями... ну, ты помнишь. Может, ты что-то об этом слышал, по своим каналам?

Отец пожевал губами:

– Лили, мы должны поговорить, но не по экрану. Скажу одно: что бы ни предложил тебе Нойтус – соглашайся.

– Но пап!

– Мы с мамой приедем. Скоро. Думаю, смогу сократить визит на побережье.

– Вот мама обрадуется, – вырвалось у меня.

Глава 6

В универсальном магазине «Кроуч и сыновья» я долго выбирала консервы. Душа больше лежала к собачьим. Однако пришлось учесть некоторые особенности повадок мозгогрыза, и я решительно цапнула с полки две банки кошачьего паштета. Очаровательная кошечка с розовым бантом на консервах меня немного смутила, но я подумала, что вряд ли мой мозгогрыз эволюционировал настолько далеко, чтобы различать этикетки.

Здесь же пополнила запасы печенья, пирогов и мармелада. Оставалось поесть самой. Я расположилась в закуской Билли Рофки, бывшего королевского повара, как гордо гласила табличка над стойкой выдачи, и принялась выбирать ужин. После заточения в Друдоне мне хотелось всего сразу. Но я выбрала морс и острые куриные крылышки с кашей. Наконец-то поем настоящей каши, а не тот ужас, что готовят у нас в столовой.

Только я уселась у окна, сглатывая слюну, за мой любимый столик напротив плюхнулся Элеан Нойтус собственной персоной. Не то чтобы это испортило мне аппетит, но заставило подвинуть поднос к себе поближе – уж слишком алчно посмотрел на него новый декан.

– Хорошего дня, фра Авенлог.

– И вам. А вы тут... как? – пробормотала я.

– Шел за вами от самой почты, – с откровенностью серийного маньяка сообщил Нойтус. – Решил не приближаться, уж очень голодной и напряженной вы выглядели.

– А теперь зачем приблизились?

– Опасность миновала, – Нойтус кивнул на мой ужин. – Я просто понял, что вы захотите перекусить, а сам пока хороших мест не знаю. В Абрегоне все изменилось. Даже это заведение выглядит совсем по-другому.

– Да, они сменили вывеску и обшили здание деревом. Но...

– Что посоветуете?

Я бы посоветовала вернуться в замок и не пугать людей. На бывшего истребителя, изменившего алому шарфу, но приколовшего значок с эмблемой гильдии на ворот кашемирового пальто, косился весь кабачок.

Некстати вспомнилось, что перед эпичным появлением из коробки мозггрыз в клочья изгрыз алую ленточку и кожаный «плащик». Видимо, тварь не желала иметь с истребителями ничего общего и, вообще, намекала, что находится по другую сторону баррикад.

Образы Нойтуса и мозггрыза неумолимо расходились, как корабли в море. Меня это скорее радовало. Если смогу сохранить фамильяра, мне не улыбается каждый день выслушивать от него претензии. Да, говорить по-человечьи он вряд ли научится, но ведь можно выражать мысли взглядом – в этом тварь уже преуспела, как мне начало казаться.

Нойтус принялся разоблачаться. Под пальто оказался тонкий синий свитер, выгодно облепивший широкие плечи декана.

– Представьте, я решил пообедать в столовой школы и не предупредил об этом поваров, – скорбно сообщил Элеан. – Присоединился к студентам за общим столом.

Я представила. Как-то даже без особого злорадства. И осторожно уточнила:

– Но вы ведь учились в Дроудоне. Там всегда так было.

– Надеялся, что некоторые... хм... традиции не столь стойки, – декан подозрительно внимательно взгляделся в мою тарелку с кашей. – Итак, что посоветуете?

– Все, – пожала плечами я. – Здесь готовят вкусно и быстро.

– Отлично! Пойду выберу себе... все!

Несмотря на щедрое обещание, Нойтус взял только запеченную рыбу и овощи. Вернувшись от стойки, он ловко спалил куриное крылышко с моего блюда. Как знала, что этим дело и закончится! Просто вспомнила Эла в его двадцать два, когда, лежа с повязкой на глазах, он успевал стащить с тарелки в два раза больше печенья, чем я.

– Фтобы не пофафиться шлюной, пока фду факафа, – объяснил декан, работая челюстями.

– Вы сегодня в прекрасном настроении, – буркнула я.

– Да. Все складывается отлично.

К счастью, заказ принесли минут через десять. Билли сде-

лал исключение – притащил поднос прямо на столик. Не каждый день в закусточную заходят истребители.

Нойтус аккуратно отломил вилкой кусочек рыбы и поднес его ко рту. Принюхался (ах да, в Дроудоне по субботам тоже подавали рыбу). Лицо декана посветлело, и он принялся есть, быстро и аккуратно.

– Кстати, о трупах, – продолжил он, заставив меня поперхнуться от неожиданной смены темы. – Мы договаривались осмотреть несчастного Бена Лоури.

Я подтвердила кивком: помню, пойду. И уточнила:

– Фэр Нойтус, простите, а что конкретно вы от меня ожидаете? Чем я смогу помочь вам в покойницкой?

– Хороший некроинженер – счастье в штате, – мечтательно проговорил декан. – Когда-нибудь поднимали мертвых?

– Людей?! – хорошо, что я не взяла себе рыбу. Уже давно подавилась бы костью. – Я занимаюсь квазижизнью!

– От одного к другому – путь небольшой, – философски заметил Нойтус, почти повторив мои недавние слова.

– Нет уж, увольте!

– Не спешите, всегда успеется. Мы поднимем фэра Лоури и заставим его проделать весь предсмертный путь. Как вам?

– Прекрасная тема для обсуждения за едой.

– Простите, не знал, что квазиинженеры бывают такими... чувствительными. Времени до заката всего ничего, луна полная. Сегодня или никогда. Эй, вы куда?

– За десертом.

Предвкушение вдохновило заказать кофе со сливками и булочку с джемом.

Нет гарантии, что в день смерти Лоури побывал в подземелье Друдона, но чем, как говорится, не шутят бесы?

– У вас есть разрешение на проведение постмортальных процедур? – деловито поинтересовалась я, вернувшись за стол.

– У меня есть все, – декан иронично хмыкнул. – И на случай, что что-то пойдет не так, все, что надо, имеется. Но что может пойти не так у двух опытных преподавателей, верно?

... После ужина мы на несколько часов, оставшихся до темноты, разошлись по апартаментам. Нойтусу предоставили комнаты на втором этаже башни, там же, где он жил во время стажировки.

Мозгогрыз терпеливо ожидал меня в клетке. Ну как терпеливо – квазик надгрыз толстое деревянное дно. Пришлось восстанавливать «домик» руной.

Полоска разрастающейся шерсти влезла на левую лапку нежити до самого сустава. А в остальном это был та же тварь с яростной ненавистью в глазах, к которой добавился подозрительный голодный и хищный интерес.

– Не надо на меня так плотоядно смотреть. Ты не мозгогрыз, они вымерли. Ты вообще квазинежить... пока. Я принесла тебе поесть. Кстати, мы с тетрадкой договаривались на любовь и преданность, – с упреком пробормотала я, осто-

рожно просовывая в клетку миску с кошачьим кормом. – Ну и где они?

Тварь брезгливо обнюхала подачку, уселась на хвост и принялась гипнотизировать меня презрительным взглядом. Я прекрасно поняла, что он означал: «ЭТО жри сама».

По крайней мере, мы почти научились понимать друг друга без слов. Прогресс.

– Нет уж, назвался фамильяром, веди себя как фамильяр. Ешь, что дают. И вообще, нужно придумать тебе имя. Не звать же домашнего любимца тварью. Хотя... Нет-нет, назову тебя Таффи, в честь Тандуса Фрери, – вздохнула я. – Таффи. Таффи, голос! Лежать!

Мозгогрыз и впрямь зарычал, распластавшись как будто для прыжка. Я смогла оценить острые зубы, его еще одно недавнее приобретение. Два передних клыка так и остались снаружи, загнувшись на верхнюю губу.

– Жуть. Маме ты точно понравишься, – сказала я, перевернувшись, и пошла готовиться к ночной вылазке.

... Чтобы попасть в старые лаборатории, пришлось пройти через все здание старшего лица. Нойтус ждал меня в башне. Он запер входную дверь и открыл второй проход. По нему мы спустились в запасное хранилище.

Точечный стазис, как это за ним водится, растекся и погрузил в холод весь этаж. Безмолвный Бенджамин Лоури, накрытый тряпкой, покоился на стальном столе. На его лице

застыла уже знакомая мне гримаса: то ли боли, то ли досады.

Мы с Нойтусом облачились в резиновые костюмы и поставили необходимые руны на помещение. Ходячий мертвец это вам не школьный эксперимент. Никогда не знаешь, что ожидать от бездушного тела, помнящего лишь немногие последние действия. И никогда не знаешь, что это были за действия.

На моей памяти дядя Райан поднял мертвеца. Перед смертью от сердечного приступа тот зарубил топором сожительницу и прикопал труп в подвале дома. А ведь лежал потом на диване чистенький и синенький, точь в точь невинная жертва слабого сердца.

Мортальные дознаватели, однако, заподозрили неладное и вызвали дядю на экспертизу. Вот же пришлось тому побегать по мертвецкой от ожившего трупа, помнящего пылкие, но гневные предсмертные чувства к неверной даме сердца! В отличие от младшего брата, моего отца, беспечный дядя Рай никогда не утруждал себя лишними, на его взгляд, рунами.

– Видите это? – Нойтус указал на шрам на щеке покойника, некогда напомнивший мне удар кнута. – Отпечаток какой-то руны. Такие редко, но остаются на теле.

– Ледяной ожог? – уточнила я.

– Возможно.

– Это могла быть руна «стан».

– Думаете, полоска – остаток нижнего вектора? – Нойтус наклонился к лицу трупа.

– Да. Но это маловероятно.

– Просветите меня, почему.

– Во-первых, руна «стан» запрещена.

Эл громко фыркнул.

– Хорошо, хорошо. Наш предполагаемый убийца, конечно же, далек от законопослушности, – с досадой признала я. – Однако руна «стан» сжирает резерв. Да и зачем ранить кого-то ледяной руной? Есть способы проще.

– Какова была стихия Бена Лоури? – спросил Нойтус.

– Черт! Огонь, – мне захотелось провалиться сквозь землю. Вот что значит отсутствие практики общения с мертвыми людьми.

– Вот вам и ответ. Да, фра Авенлог, меня сюда прислали не только за мои красивые глаза, – с довольной миной сообщил мне Эл.

Я собрала всю свою гордость в кулак... и засунула ее куда поглубже.

– Лоури был плохим преподавателем, но неплохим магом. Кто-то напал на него и применил ледяную руну, потому что стихия декана была горячей. Нападавшему удалось на несколько минут нейтрализовать магию Лоури и столкнуть его вниз, – отчеканила я.

– И этот кто-то – из тех, кто хорошо знает Дроудон, – добавил Нойтус, быстро и точно выставляя руны постмортальной «жизни». Одни руны гасли, другие тут же вспыхивали на месте выгоревших. Мне бы такую скорость. – Кто-то, хоро-

шо знавший особенности преподавателей. Вот я, например, не могу с первого взгляда определить стихию мага. Какова ваша стихия, фра Авенлог?

– Вода, – почти не соврала я.

Я всегда любила воду, как моя мама – землю, хотя мы обе не зависели от одной стихии. Вот отец подчинялся воздуху, дядя Райан – эфиру, как и его сестра (и моя тетя) Кристен. Анна тоже была мультимагом, в высшем понимании этого слова, а Ксана совмещала эфир с воздухом.

О том, кто из студентов – мультимаг, а кто, как Ксана, обладает *крайне* нетривиальными способностями, знал только наш прежний ректор Юден, старый друг рода Фо Амалей. Знал и тщательно скрывал, от беды подальше. Почтенный маг давно отбыл на пенсию. Ректор Броу, насколько я знала, нашими реальными делами не располагала.

Папе очень не хотелось передавать семейные секреты в руки непроверенного человека, и после ухода фэра Юдена он сделал так, что наши папки подменили. С моей папкой сменились и папки моих подруг. На меньшее я была категорически не согласна, и папе пришлось попотеть и раскошелиться. Но, наверное, к концу учебы, мама и папа считали Ксану и Анну членами нашей семьи.

– Вода? – Нойтус выпрямился и удивленно поднял брови над лабораторными очками. – Точно вода? Но ведь...

Я молча уставилась на декана, растерянно хлопая глазами. Неужели вспомнил? Инцидент с петардами, которые на са-

мом деле были *усложненными* петардами? Огонь. Призрачные «голуби»? Эфир. И много других мелких оплошностей.

Тот, прошлый Элеан, дураком не был и кое о чем догадывался. Во время наших совместных чтений я слегка выдала себя на эмоциях. И как мне реагировать сейчас? Рассказать, что я мультимаг и высший крафтер (*)?

(* маг, который способен строить руны собственного изобретения и обладающий аурой особой силы, способной выдержать соответствующие нагрузки)

Но в этот момент пробудился фэр Лоури.

... Покойный декан сел на столе именно так, как это показывают в синематографе, в кинокартинах о жизни некромантов (полных нереальной чуши и искажающих истинное лицо благородной постмортальной науки) – ровно и вытянув руки вперед. Тряпка, которой он был накрыт, полетела на пол.

Эл Нойтус охнул и нахлобучил на покойника ветхую, заляпанную реагентами «распашонку» – длинную жилетку из тех, что студенты надевают поверх мантий во время лабораторных. Получилось крайне живописно: синий Лоури и пятна всех цветов радуги. При жизни таких бурных расцветок в одежде фэр декан себе не позволял. Зато после смерти мог бы послужить предметом зависти для поклонников абстрактного искусства.

Я была рада деликатности и сообразительности Нойтуса. Мне предстояла нелегкая задача: вытеснить из памяти по-

следнее воспоминание о Лоури в образе мертвого декана. Не хватало еще запомнить его мертвым и голым деканом.

Бен Лоури развернулся и свесил ноги. Пол он нащупал ну совсем, как при жизни – осторожненько, брезгливенько, с опаской. Далее покойник сделал шаг, другой и шустро устремился к выходу.

– Он хорошо знает путь, – шепнул мне Нойтус, вышагивая вслед за поднятым мертвецом.

Я недоуменно развела руками. Налицо была недюжинная осведомленность покойного декана о старых лабораториях. Зачем они ему понадобились? Здесь и реагентов давно нет, и вытяжки не работают, не говоря уже о прочем, более ценном оборудовании.

Но еще больше меня волновал вопрос, каким образом Нойтус проведет покойника по учебным этажам. Я прямо-таки «предвкушала», как какие-нибудь студиозусы, затеявшие очередной обряд посвящения в труднопроизносимое сообщество или вышедшие на охоту за призраками, наткнутся в коридоре на нашу не вполне теплую компанию и в полной мере проникнутся «зловещей сутью Дроудона». Зато впечатлений хватит на все годы учебы... если раньше не сбегут.

Однако все разрешилось само собой. Лоури решил спуститься в подвал. Судя по ошеломленному лицу, Нойтус тоже не знал, что из башни есть тайный проход в подземелье.

А ведь и сомневаться не приходилось, что после пропажи

детей он, как и я, как любой студент школы, изучил каждую условную черточку на карте замка. Впрочем, это ничего не меняло. Искатели несомненно побывали под всем Дроудоном.

Лоури замялся у двери. Он переминался босыми сизыми ногами и хлопал себя по бокам. Карманы! Я судорожно вытряхнула ключ, который нашла у тела декана, из кожаного кошелька на поясе и опустила его в карман «распашонки».

Лицо Нойтуса изобразило некое «обсудим это позже», и я опять развела руками, мол, так уж получилось.

Клянусь, на мертвом лице декана, когда он нащупал ключ в кармане накидки, мелькнуло удовлетворение. Раздался громкий скрежет. Замок смазывали, иначе он бы совсем не открылся.

Лоури шагнул в низкую дверь, прошел немного вперед и вдруг, нелепо взмахнув руками, осел у стены, как безвольная кукла.

Нойтус выругался.

– Слепая зона, – пробормотал он, вытаскивая и встряхивая кристалл.

Это был редкий вид магического камня, способного поглощать лунную магию. Именно ради источника этой не исследованной до конца эфирной субстанции шестьсот лет назад лучшие маги Белленхейма решили построить Дроудон в уединенной долине у подножья Морангов.

У меня с этой энергией были особые отношения: лунную

магию любила моя мама, ею подпитывалась моя магическая тетрадь. Кстати, мой новый фамильяр – тоже.

– Связь потеряна, – констатировал Нойтус. – Наш любезный мертвый проводник вернулся в свое мертвое состояние.

– И что делать? – поинтересовалась я.

– Найти место, где ничто не мешает свободному прохождению силы, и постараться в дальнейшем обходить пустые участки. Боюсь, когда мы это сделаем, мне придется собственноручно оттащить туда своего покойного коллегу, – сохранись у меня первое впечатление о Нойтусе после его прибытия в замок, я бы от души позлорадствовала. Но я начала привыкать к новому декану и даже извлекала некоторую пользу от его деятельности. – Откуда они берутся, эти мертвые зоны, хотел бы я знать? Что гасит энергию?

Бурча себе под нос, Элеан двинулся дальше. Мы оказались... на свалке Дроудона. Сюда когда-то стащили остатки школьного кукольного театра. В свете потустороннего сияния магического светляка все эти потускневшие, разошедшиеся декорации и сломанные куклы смотрелись в высшей степени жутко. Словно кто-то решил материализовать давний кошмар человека, в детстве начитавшегося книжек про «Зловещего кукловода» – то есть, конкретно меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.